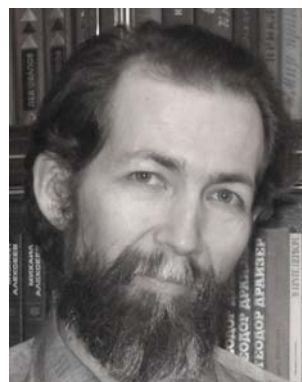

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

Сергей Крестьянкин *
(г. Тула)

ДУРА

Галина Николаевна Прошкина находилась в хорошем расположении духа. На то были свои и довольно веские причины. Во-первых, она сегодня получила, наконец-то, долгожданную зарплату, которую задерживали уже более двух месяцев. Во-вторых, автобус к остановке подъехал почти сразу, и не пришлось простаивать в его ожидании. И, в-третьих, она довольно успешно втиснулась внутрь этого автобуса.

Работала Галина Николаевна на заводе, который располагался на краю города. Работала уже давно, И все бы ничего, да пришли 90-е годы и Советский Союз начал разваливаться. Предприятия закрывались, люди сокращались. Государство рушилось на глазах, экономика трещала по швам.

Чиновникам стало плевать на людей.

Все были предоставлены сами себе.

Выживали, кто как мог.

На их заводе тоже прошли, хоть незначительные, сокращения. Но в целом предприятие держалось и продукцию выпускало. Правда еще год назад Галина Николаевна деньги получала два раза в месяц: аванс и зарплату, то в последнее время зарплату задерживали на полтора-два месяца. Но все-таки давали и работой обеспечивали.

Многие ее подруги и знакомые поувольнялись со своих насиженных мест и пустились в свободное плавание. Стали предпринимателями и занялись челночным бизнесом. Ездили за границу и привозили оттуда одежду и обувь. Продавали на рынках и ехали опять, как челноки: туда-сюда. И так постоянно.

Галину Николаевну звали заняться тем же, но она пока так и не решилась. Да и куда ей. Муж у нее погиб в Афганистане. Она одна воспитывала дочку пяти лет. Родители были далеко. Помочь ей было некому. А в бизнесе еще неизвестно: займешь деньги, вложишь в товар, а он не пойдет и прогоришь.

На заводе тоже стало сложно работать, но какие-то деньги она все-таки имела.

«Как хорошо, что сегодня дали зарплату полностью за прошлый месяц. А это — целых восемь тысяч рублей. Когда изголодаешься, сама почти не ешь — все дочери, то это кажется огромной суммой. Три тысячи надо будет сразу отдать — долги в пер-

* Наш постоянный автор.

вую очередь. А на оставшиеся пять тысяч они с Машкой как-нибудь протянут этот месяц, а там глядишь, и еще зарплату отдадут. Прорвемся. Надо будет Машке купить чего-нибудь вкусенького: конфет или пирожных».

Автобус в очередной раз подпрыгнул на неровной дороге, качнулся при торможении и остановился.

Галину Николаевну кто-то толкнул в бок. Она повернулась и увидела мелькнувшую руку.

Молодой человек в клетчатой рубашке и коричневом пиджаке резко развернулся и быстро направился к выходу.

Как-то стало не хорошо от какого-то предчувствия. Прошкина опустила взгляд на сумку, висевшую у нее на плече сбоку, и похолодела. Сумка была раскрыта. Еще не веря своим глазам, она засунула туда руку и начала рыться во всех уголках.

Кошелек не было.

Галина Николаевна посмотрела на молодого человека, но тот уже вышел на остановке и не торопливо направился к домам.

— Стойте, мне надо выйти! — закричала Прошкина и стала усиленно расталкивать пассажиров, пробираясь к выходу.

Выскочив из автобуса, она увидела коричневый пиджак и помчалась за ним.

— Молодой человек, — запыхавшись, проговорила Галина Николаевна, догнав парня в пиджаке. — Вы мои деньги в автобусе взяли. Отдайте их, пожалуйста.

— Какие деньги? Женщина, отстаньте! — полуобернувшись, посмотрев по сторонам, произнес юноша, не прекращая движения.

— Ну, как же. Черный кожаный кошелек, правда, старый. А в нем — восемь тысяч рублей. Это все, что у меня есть.

— Нету у меня вашего кошелька и денег ваших нет. И не надо за мной идти.

— Как же так? — опешила Прошкина. — Может, не у вас, вы кому-то отдали. Я на заводе работаю. Два с половиной месяца нам задерживали зарплату, а сегодня неожиданно дали за предыдущий месяц. Думала, верну долги и дочке принесу что-нибудь вкусенькое. Мы последнее время питались одной картошкой и хлебом. А сейчас и картошка закончилась. Я одна воспитываю пятилетнего ребенка. Муж погиб в Афганистане четыре года назад.

Галина Николаевна вздохнула.

Она семенила за двадцатилетним юношей по аллее между домами и проклинала себя за то, что приходилось унижаться перед вором. Но ничего не могла с собой поделать.

— Чтобы как-то выжить, я занимала деньги у кого могла. Теперь уже — не у кого, да и неудобно. Без денег мне домой нельзя. Лучше — в петлю. Или на Большую дорогу, как раньше говорили, грабить еще более слабых. Отобрать у какой-нибудь старушки кошелек с мелочью... Но, ведь, также нельзя. Это неправильно. Мы же не звери, а люди. И нас отличает от зверей наличие разума, души, доброты. Если вы не отдадите деньги, дома мне появляться нет смысла.

Прошкина стала замедлять шаги, наверное, почувствовав всю бесплодность своих попыток, но по инерции еще шла за удаляющимся парнем и продолжала громко объяснять. Со стороны, казалось, что она разговаривает сама с собой.

— Нет, без денег мне домой никак нельзя. Я приду, а Машка спросит: «Мама, а что мы сегодня будем есть?» Нет, она не спросит, какие конфеты или пирожные мы будем есть. Она спросит: «Мама, а мы сегодня будем кушать?» Глядя ребенку в глаза, я не найду, что ответить.

Молодой человек в пиджаке завернул за угол дома.

Галина Николаевна, уставшая и обессиленная, плюхнулась на траву возле дома и заплакала. Она закрыла лицо руками и заревела от безысходности. Плач сотрясал все

ее тело. Она периодически всхлипывала. Слезы стекали по щекам и подбородку и капали на платье, но Галина Николаевна ничего этого не замечала. Не было никаких сил подняться.

Кто-то тронул ее за плечо.

Она подняла голову.

Перед ней стоял парень в клетчатой рубашке и коричневом пиджаке.

— Знаете, что. Я сейчас принесу ваши деньги. Подождите меня вон на той лавочке, на аллее. Только деньги верну не все, а часть. Я, ведь, не один...— здесь он немного замаялся, но все-таки добавил: «Работал».

Прошкина перестала плакать. Вытерла кулаками и ладонями слезы.

Забрезжила надежда.

Юноша протянул ей руку. Помог подняться. Довел до лавочки и ушел. Напоследок сказал, что вернется минут через двадцать.

Женщина сидела на лавке, откинувшись на спинку. Руки безвольно лежали на коленях. Слезы уже высохли и лицо даже слегка просветлело. Она думала, что не все потеряно. «Деньги ей сейчас, хоть часть, но отдадут. А остальное, будем считать, что она уронила в реку и вода унесла их. Ну, растяпа! Что сказать? Сама виновата. Да, что там дура она самая настоящая. Вот кто. Надо было деньги не в кошелек класть, а куда-нибудь отдельно. Да, хотя бы в бюстгальтер, как в кино показывают — целее были бы. Ну, что поделаешь, дура она и есть дура. Но даже из этой части денег выкрою немного и обязательно куплю Машке конфет. Как-нибудь продержимся».

Так она думала, коротая время.

Но двадцать минут прошли, а юноша все не появлялся. И мысли у нее начали меняться в диаметрально противоположную сторону.

Ее, в конце концов, осенило. Дура, я самая настоящая дура. Чего я жду? Ведь он же меня просто обманул, чтобы я от него отстала. Двадцать минут прошло. Никто не пришел и не придет. Он надо мной просто посмеялся. Деньги украл, да еще и посмеялся над теткой — душой доверчивой.

Кому я поверила. Это же — вор!

Робин Гуд забрал только богатых, а эти — всех подряд — кто слабее и немощней.

Ох, как же тошно от всего этого!

Прошкина сгорбилась. Закрыла лицо левой рукой, а правой уперлась в лавку. Плечи задергались, послышались всхлипы. Она вновь не смогла удержать слез.

«Дура я, дура, что не уберегла зарплату. Дура, что работаю на этом дурацком заводе. Дура, что не ушла в коммерцию с подругами, когда меня звали. Дура, что тащила за обворовавшим меня парнем и умоляла вернуть деньги, рассказывая о своей жизни. И, наконец, дура, что поверила вору».

Галина Николаевна не рыдала, не редела, а сидела на лавочке и тихо плакала.

Кто-то коснулся ее руки.

Женщина подняла голову.

Рядом на лавочке сидел молодой человек в коричневом пиджаке и клетчатой рубашке.

Она даже не заметила, когда тот появился.

— Думала, что не приду? — спросил он.

Но Галина Николаевна ничего не смогла ответить от застрявшего комка в горле.

— Ладно, ладно. Не отвечай. По лицу вижу, что — думала. На, держи, как и обещал — здесь половина,— с этими словами юноша протянул ей пачку сторублевых купюр.

Прошкина, не веря своим глазам, как заипнотизированная, медленно протянула руку, взяла деньги и стала автоматически их пересчитывать. Но на пятой или шестой

купюре она прервала свое занятие, опустила руки на колени и повернула голову к парню:

— Спасибо, вам. Большое спасибо!

— Тетка, ну ты вообще — дура! — удивился юноша.— Тебя обворовали, а ты благодаришь.

— Наверное — дура. А может быть жизнь такая,— философски произнесла Прошкина и добавила:

— А вы не совсем плохой человек. У вас осталось в душе что-то хорошее, человеческое.

— Да что во мне хорошего? Я — вор. И мой тебе совет: никогда не клади крупные купюры в кошелек. Особенно — зарплату. Лучше, если нет карманов, в трусы положи, хоть до дому донесешь. А это правда, что ты работаешь на заводе? Одна воспитываешь дочь? Что вам нечего есть? А муж погиб в Афгане?

— Правда,— тихо произнесла женщина.

— И, что, правда в петлю полезла бы? — допытывался молодой человек.

Прошкина задумалась. Потом ответила:

— В петлю, наверное, нет. Дочку жалко. Пропадет одна. А родственников у нас в этом городе нет.

— Денег у меня все равно больше нет,— с этими словами юноша расстегнул ремешок и, сняв часы, протянул Галине Николаевне:

— Бери. Не волнуйся, не ворованные. Это мне отец подарил на 14-летие. Он семь лет назад тоже погиб в Афгане. Пособие маленькое, а мать болеет. Вот я и ворую. Плохо, но что делать? Сама говоришь — жизнь такая. Бери часы — золотые. Старенькие, но тысячи за четыре сможешь сторговать. Будет тебе компенсация зарплаты.

— А знаешь, что,— встрепенулась Прошкина,— ты заходи к нам с дочкой. Буду тебя подкармливать.

— Нет, тетка, ты правда — дура! Может, ты действительно ненормальная? Я таких чудных еще не встречал.

Молодой человек в коричневом пиджаке и клетчатой рубашке положил свои часы на лавку, резко поднялся и стал быстро удаляться.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

МУДРОСТЬ БОЯРЫНИ НАТАЛЬИ

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

В богатых хоромах живет боярыня Наталья Собакина — сильная и уверенная в себе женщина. Дом ее славится достатком. Всем заправляет она, даже сыновья взрослые к ней прислушиваются, без материнского разрешения шагу не ступят. Впрочем, так кажется на первый взгляд. На самом деле то, что им нужно, они совершают, не советуясь с матушкой.

Лет двадцать назад вошла Наталья в этот дом робкой девчонкой, выданной родителями замуж за богатого и старого боярина Ивана Петровича. Грозен муж, чуть что — плетью жену учил. Да только боярыня Наталья быстро приспособилась. Как-то сила ей все время подсказывала, что надо делать. Как-то вышла она к мужниным гостям, чтобы, как принято, подать вина с закусками, и увидела боярина Семена Васильевича. Не чета ее муж молодому боярину. Муж — толстый, сопящий, с бородавкой на плотном лице. А Семен Васильевич — мужчина видный: стройно сложен, нарядно одет, золотистый чуб развеивается, когда он головою потряхивает, глаза синовой отливают. Да и она тогда ему под стать была: высокая, темноволосая, кареглазая. Веселость в ней муж не убил, как ни старался.

Что бывает, когда встречаются два рожденных друг для друга человека? У них ничего не было, потому что во сне ей привиделся красавец, предавший ее, кричавший всем на площади, что она опоила его зельем любовным. Наталья снам верила. Вообще, она странно бабою была: часто предвидела, что с ней произойдет. Иногда с мужем говорит, а сама думает: «Это со мною уже было». И точно знает, что не могло быть, а словно проживала когда-то такое.

Когда совсем невоготу стала мужнина требовательность, хитрющая бабка Перелиха ей подсказала верное средство: отравить мужа и всем его хозяйством завладеть. Даже зелье для злого дела приготовила. И опять Наталья во сне увидела, как потащили ее на суд праведный, закопали в землю живьем, только голову обриту оставили. Каждый мимо ходит и в нее плюется. Были, правда, люди добрые, которые деньги рядом кидали, чтобы после смерти в гроб мужнину убийцу положить. Проснулась тогда Наталья в холодном поту, все тело у нее болело, а из головы прядь волос выпала. Страшно стало, и вылила она то зелье далеко за домом.

Спасением Натальиным были сыновья и дочери. Старший сын Иван верховодил стрельцами, служил в Москве под началом самого Шакловитого. Там дела творились странные. Два царя объявились — Иван да Петр. Только по малолетству царей управляла государственными делами их старшая сестра — царевна Софья. Сын иногда весточку подавал: служит царевне исправно, довольна правительница стрелецким начальником.

Младших — Петра и Андрея — Наталья отослала в Преображенское, где собрался для малолетнего царя отряд потешных. Негоже боярским сынам участвовать в таком деле. Если бы Иван Петрович был жив, не допустил бы. А Наталья рассудила иначе.

Овдовев, она провела ревизию домашнему хозяйству и жизни своей. После смерти мужа становилась боярыня свободной и всеми уважаемой. Замуж больше не собиралась. Зачем терять Богом данную свободу? А сынов желала делом занять: без отцовской строгости она с ними не совладеет. Вот и отправила: пусть поучатся иноземной воинской науке. Царь Петр хоть и мал, да вырастет, и ее мальчики рядом с царем будут.

Ну, а дочери — Анастасия и Наталья — росли с матерью. Их оберегать следовало от дурного глаза. Потому следила за ними строго, хотя любила их, лапушек своих, — быстроглазую старшую и востроносенькую младшенькую.

Годы летели быстро и приносили в дом боярыни Собакиной приятные вести о сыновьях, а также милые радости от дочек. Хорошо она молилась, да и подарки богатые в церковь посылала. Только Господь подготовил испытание.

Однажды приехал домой старший сын Иван. Рассказал то, что, по Натальиному разумению, и быть не должно. Стрельцы в Москве вместе со своим начальником Шакловитым, пес его задери, задумали недоброе — убить царя Петра. Да кто-то сообщил государю о готовящемся злодействе. Заговор раскрыли. Шакловитого и его помощников, стрелецких полковников, казнили, стрельцов жестоко наказали: кому языки отрезали, кого в Сибирь сослали. Чудом спасся сын. Сбежал домой, чтобы пересидеть расправы, а душой остался там — в Москве. Надо, говорит, за стрельцов заступаться, царь Петр хочет завести на Руси немецкий порядок и немецкие войска создать.

— Русь надо спасти. Уничтожим царя и преобразенцев, и веру свою православную спасем, матушка.

— Что ты мелешь, Иван? Как можно государя убить? — Наталья испуганно озиралась, боясь, что кто-то подслушает разговор. — А братья твои, не забыл ли, что они — преобразенцы и есть? Как на братьев руку подымешь?

— О чем ты говоришь, матушка? Царь Петр иноземцев поддерживает, к ним прислушивается. А братьев надо забрать из преобразенцев. Не бывать русскому народу под неметчиной!

Много спорили. Видела мать, что сын крепко уперся в своем мнении. И принять этого мнения не могла.

— Говорю тебе, Иван, меня слушай! Оставь мысли поганые. Отсидись дома, пока в Москве неспокойно. А против царя Петра идти не смей. Такое тебе материнское слово.

— Матушка, да разве я один? С нами князя Голицыны, Милославские, да все бояре с нами.

— Не верю я, чтобы они хотели цареубийцами стать. Это все равно, что против Господа дело замыслить.

— Так ведь Петр против Бога выступил! О чем я тебе толкую?

Непонятное творилось в Москве. Молилась Наталья неистово, просила у Господа, чтобы наставил ее на истинное решение. Вскоре приехал домой и Петруша: возмужал, приобрел силу и стать воинскую. Впрямь, красавец. Дворовые девки так и обмирают.

— Матушка! Мы с Андрюшей, — радостно сообщает ей сын, — весь мир изменим. Царь Петр гаркнет грозно: «Слушай! Мушкет заряжай! Прикладывайся! Стреляй!», и мы исправно приказ выполняем. И так хорошо, быстро и слаженно у нас получается. Царь так и говорит: «Вы — солдаты умелые, стрельцам с вами не справиться».

Спорят два брата до хрипоты. Нет между ними братского союза. И не слушают они материнских наказов. Одно их только объединило — оба в Москву уехали. Волнуется Наталья, ждет вестей из Москвы. Да и не только из Москвы: младшие сыновья отправились на строительство кораблей на озеро Переяславское, потом в морское путешествие по Белому морю, а потом в поход на Азов, где властвовали басурманы-турки.

Давно в Москве женился и обзавелся детьми Иван. Боярыня Наталья ездила к нему, чтобы благословить молодую семью на счастливую жизнь. Жена Ивана, Прасковья, напомнила ей собственную молодость.

Выдала она замуж Анастасию. Хорошо выдала, без лишних слез и упреков. Зять — человек нестарый, женой довольный, особенно после того, как Анастасия разродилась наследником. Младшая Наталья тоже входит в невестин возраст, только мать не спешит отдавать любимую дочку в мужнино рабство.

Болело материнское сердце лишь о Петре и Андрее. Пора им дом свой заводить, а они все в походах. В какую-то Голландию позвал царь Петр для обучения наукам разным. Непонятно это Наталье. Чему можно там научиться? Да и зачем учиться, когда дети ее не последнего роду-племени? Однако, поразмыслив, решила: видно, время такое, что требуются новые взгляды и новые знания. Сама она немолода, да детям мешать не станет.

И вдруг, в сонное благополучие ее быта пришло из Москвы страшное известие. Там случился новый бунт. Недовольны стрельцы вводимыми царем порядками, не согласны с тем, что царь больше доверяет новым полкам, не желают никаких перемен жизни. Разве одни стрельцы так думают? Многие шепчутся о царе-изменнике, который отказался от веры отцов.

Снова царевна Софья подняла стрельцов против брата. Видно, не успокоится бывшая правительница никогда! Хочется ей властвовать, и использует она для этого любые пути. Могла ли Наталья предположить, что жизнь царевны Софьи, как и любой другой русской царевны, ограничена лишь молитвами? Не суждено дочери царя выйти замуж и стать счастливой матерью. На всем белом свете нет царевнам равных, а родниться с нижеродными им не дозволено. Не за изменение ли своего положения боролась царская дочь? Не желала ли она быть такой же свободной, как боярыня Наталья?

Мчалась боярыня Собакина в Москву, чтобы встретиться с сыном и спасти его от неминуемой казни. Встретилась с Прасковьей, и та рассказала, что Иван давно отошел от стрельцов, хоть и переживал страшно, когда тех отправили на Азов, а потом к польской границе, желая, видно, удалить их из стольного града. Когда же силой те решили вернуться назад, Иван, вспомнив стрелецкую службу, вернулся к ним. Войска боярина Шеина разбили стрельцов, и всех плененных бросили в тюрьмы. Сидит теперь Иван в заточении, ждет царева решения, а царь Петр жестоко пытается бунтовщиков в Преображенском.

К счастью, думала Наталья, у царя Петра верно служат два ее сына. Не может он отказать их матери в просьбе. Стала боярыня добиваться царской милости. Боялась, что опоздает. По Москве шли казни. И в Преображенском казнили несчастных. Ехала боярыня в Преображенское в надежде пробиться до царя.

Встретил тот боярыню в простом деревянном доме. Низко она поклонилась. С высоты смотрели на нее хмурые Петровы очи:

— О ком просишь, боярыня?

— О старшем сыне, Государь. Он верен тебе, случай его увлек. Два сына моих тебе верно служат. Помилуй, царь-батюшка, Ивана Собакина. Именем Господа Бога прошу!

— Встань, боярыня. Негоже женщине, родившей славных сынов Отечества, нич-

ком лежать. Помню я Петра и Андрея Собакиных. Жду их возвращения из дальних земель. Великое дело мы замыслили: силу Отечеству придать, чтоб стояла Россия равной среди великих держав! А стрельцы хотят назад повернуть, бунт учинили. Сестрицу мою, что не видит величия дел наших, слушают. Нет, боярыня Наталья Федоровна, не ради себя, ради Отечества нашего не могу я простить изменников.

Рассерженный государь, прячущий в грозных словах свои сомнения, встал и вышел из комнаты. Через несколько дней Иван Собакин вместе с другими зачинщиками был повешен в Новодевичьем монастыре перед окнами кельи монахини Сусанны, в миру бывшей царевной Софьей.

Новая жизнь перемалывала судьбы людей. Впереди были долгие войны и великие походы, создание мощного русского флота и непобедимой армии, строительство величественного города и первых заводов. Сыновья Натальи познают радость побед и тяжкую участь забвения. Дочери станут осваивать дарованное царем освобождение от мужского насилия и поражать мужчин изящными манерами, совершенно недопустимыми во времена молодости их матушки. Только все это будет за гранью жизни Натальи. По возвращении из Московской поездки она простудилась и быстро сгорела. Видно, в старой жизни жить не могла, а к новой не была готова.

Александр Вайнерман
(г. Москва)

THE BEATLES

Александр Михайлович Вайнерман родился в Москве в 1949 году. Главный специалист Аналитического Центра Москомархитектуры, кандидат экономических наук, автор более 50 научных работ.

Поэт и прозаик, член Союза Писателей России, член творческого клуба «Московский Парнас», награжден орденом Г. Державина. Автор поэтической книги «Окно в мир», неоднократно печатался в Альманахе «Московский Парнас», Антологии современной поэзии «Рождены для вдохновения», Антологии современной поэзии «Созвучье слов живых», в сборниках стихов и малой прозы.

Видавшая виды зеленая двухместная спортивная байдарка с длинноволосыми парнями на борту прошла очередной поворот Жиздры. Эта небольшая, вялотекущая на юг по Калужской области речка впадает в Оку в районе городка Перемышль, а начало берет в болотах. Берега чаще высокие, лесистые и малонаселенные, иногда река преодолевает каменистые перекаты. По легенде, название реки возникло после того, как на утренней заре с одной стороны речки кричали:

— Жив? — а с другой стороны отвечали:

— Здрав! — Звуки «в» пропадали в утреннем тумане, так и получилась Жиздра.

Известными достопримечательностями на этой реке являются Оптина Пустынь и старинный городок Козельск. Отрезанная от мира рекой Жиздрой и расположенная в сосновом бору Оптина Пустынь — превосходное место для отшельнической созерцательной жизни. Оптинские старцы отличались высшим из всех даров — даром рассудительности, исцелений и чудотворений. Служение это пророческое — как в апостольские времена творили пророки, так и теперь старцы утешали страждущих, возвещали по воле Божией будущее. Город Козельск впервые упоминается в летописи в двенадцатом веке. А уже в тринадцатом веке он был взят татарами и мужественно сопротивлялся в течение семи недель. Все жители были перебиты. По преданию двухлетний князь Василий утонул в крови. «Злым городом» прозвали Козельск татары.

Вечерело, лодка проходила участок с пологими и болотистыми берегами, мало пригодными для стоянки и ночлега. Местность освещалась скупыми лучами заходящего в кудрявые, кучевые облака майского солнца. Как это обычно бывает на закате в погожий день, облака окрасились всеми цветами радуги, образовав сказочные очертания гор, церквей, минаретов, повозок с верблюдами, задравшего хобот слона, диких зверей и птиц, людей в старинных доспехах с длинными копьями и мечами. Отражения деревьев, кустов, высокой травы и облаков создавали на воде причудливые образы старинных зданий и замков, опутанных тенями, как оренбургскими кружевами.

Вода напоминала разлитое на асфальте оливковое масло и была зеленовато-черного цвета с рыжими подпалинами от падающих солнечных лучей. Местами вода

вскипала и бугрилась от выходящих на поверхность ключей и выпрыгивающей навстречу уходящему светилу рыбы. Узкое и извилистое русло изобиловало заводями, иногда по всей ширине реки расползались зеленые продолговатые листья, из которых выглядывали восхитительные белые кувшинки.

Ласточки смотрелись на фоне пламенеющего закатного неба маленькими черными точками, а еще различимые в сумерках комары из отдельных особей превращались в темные, сетчатые, все заполняющие жужжащие пространства, закрывающие горизонт. Кроме звона кровососущих, тишину нарушали лишь скрип уключин, да затихающие трели кузнечиков. Теплый, мягкий ветерок обдувал раскрасневшиеся лица путешественников. Все в природе предвещало теплый и погожий день. Байдарочники искали хотя бы небольшую, сухую возвышенность на берегу подалее от населенных пунктов. Причаливать и ставить палатку в незнакомом месте всегда предпочтительно до наступления окончательной темноты.

Наконец, за очередным поворотом реки, Алексей и Николай (так звали путешественников) увидели высокий берег, заросший смешанным молодым лесом и кустами. В быстро сгущающихся сумерках признаков людей и домов не было видно. Ребята причалили, затащили лодку наверх и поставили палатку, не забыв подстелить на пол еловый лапник.

Алексей — длинноногий, со стянутыми резинкой темными вьющимися волосами, в высоких охотничьих сапогах, шел в свой первый в жизни байдарочный поход. Николай — высокий очкарик в брезентовой робе, двадцати с небольшим лет, был опытным речным волком. Он несколько раз в году ходил в походы по рекам любых категорий сложности, имея удостоверение инструктора по туризму.

Работая в одной организации, ребята играли в созданном Николаем вокально-инструментальном ансамбле. Леша окончил строительный институт, а Коля учился на четвертом курсе института электроники, при этом оба имели за спиной музыкальную школу по классу гитары. Леша играл на ритм- и бас-гитаре, сочинял тексты песен, а Коля сочинял музыку, играл на соло гитаре, фортепиано, ударных и тоже писал тексты песен. Две завернутые в несколько слоев целлофана акустических гитары на борту маленькой лодки доставляли определенные трудности во время сплава. Но ради удовольствия ночью, на природе, под звездным небом и с великолепной природной акустикой поиграть в две гитары друзья были готовы на любые лишения.

Описываемые события происходили в середине семидесятых годов прошлого века. С едой тогда существовали определенные проблемы. Но наши путешественники заранее подготовились к походу, имея в своем арсенале тушенку, крупы и супы в пакетиках. Из алкоголя был спирт в металлической фляжке, но исключительно в лечебных целях. Картошку ребята копали в колхозно-совхозных полях, которые нечасто, но встречались им на пути. Яйца, хлеб и молоко покупали в сельских магазинчиках.

Приученный к дисциплине частых походов, Коля собрал сухой, опавший валежник, не трогая живых деревьев, маленький костер разгорелся, в котелке начала призывно булькать вода.

Вдруг Коля насторожился и сказал Леше:

— Ты ничего не слышишь?

— Вроде бы нет, хотя погоди, кажется, где-то лают собаки,— ответил Леша. Потом послышался звонкий петушинный крик. Палатка стояла почти на самой вершине небольшой горки, под деревьями, костер горел рядом.

Обогнув палатку и костер, байдарочники вышли на другой край холма и обнаружили за излучиной, буквально в двухстах метрах на той стороне реки деревню и перекинутый на их сторону небольшой деревянный пешеходный мостик. В это время послышался рев мотоциклетных моторов, к временному жилищу наших героев подъехали четыре или пять мотоциклов, два из которых были с колясками. Молодые, чис-

лом не менее шести, крепко сбитые и уже хорошо поддаты деревенские ребята, окружили палатку и костер.

— Кто же это вам разрешил в нашем лесу рубить деревья и разжигать костер? — спросил, перемежая свои слова отборным матом, самый накачанный из приехавших сельчан. На нем была тельняшка, кирзовые сапоги «гармошкой» и серая, модная в те времена, кепка.

— Так мы не рубили, это все валежник. Да и костерчик совсем маленький, окопан со всех сторон, — ответил Николай.

— Так, — сказал человек в тельняшке. — Даю вам десять минут на сборы, и чтобы вашего духа здесь не было.

С этими словами он подошел к разгоревшемуся костерку, ударом ноги отбросил котелок далеко в сторону и помочился на огонь, призвав своих товарищей сделать то же самое.

— А продукты и водку, если есть, сложить вот здесь, — показал он на мотоциклетную коляску.

Неожиданно его взгляд упал на заботливо укутанные в целлофан, еще не распакованные гитары.

— А это что? Для растопки костра? Кто из вас умеет играть?

— Да мы, в общем-то, оба гитаристы, — отвечал немного подавленным голосом Коля.

— А что можете сбачать? — спросил накачанный.

— Ну, Визбора, Галича, Окуджаву, Высоцкого, «Машину времени», частушки, — отвечали туристы-водники.

— Ну да, так я и поверил. И спеть тоже?

— А то, конечно, на два голоса и в две гитары.

— Расчехляй и запевай, — скомандовал бывший моряк.

Деревенские расселись на мотоциклы, траву, поваленное деревце, закурили и приготвили слушать. Надо отметить, что у Коли был красивый, высокий, хорошо поставленный голос, а Леша за время многочисленных репетиций и выступлений научился четко петь вторым голосом. Пели они и акапелла.

Первые несколько песен — ранний Окуджава, пара блатных песен Высоцкого, частушки прошли в полной тишине, прерываемой лишь звуком сплевываемой слюны и изредка одобрителем причмокиванием.

— Ну, это все фуфло, — сказал главарь деревенских.

— Так и мы под гармошку с балалайкой можем.

— А вот что-нибудь не по нашему, типа Битлов, слабо?

И Коля с Лешей, сначала без сопровождения гитары, акапелло, потом проигрывают соло, потом в две гитары и два голоса спели «Michelle», «Yesterday» и «Girl» великой ливерпульской четверки.

Деревенские заметно оживились, начали прихлопывать в ладоши и отбивать ногами в такт музыке. И кто бы мог предположить даже в самом страшном, несбыточном сне, что в этой глухой калужской деревушке уже знали и любили эту группу. Малообразованные деревенские ребята, небритые, в телогрейках и сапогах, все дни недели проводившие в поле на тракторах и комбайнах в битве за урожай, в свободные минуты отдыха за бутылкой самогона и самокруткой, оказывается, слушали на первых отечественных катушечных магнитофонах ужасного качества пятые-шестые копии песен знаменитых английских музыкантов.

— Так, стоп ребята, маленький перерывчик, — сказал деревенский вождь.

Он быстро пошептался о чем-то с товарищами, после чего два мотоцикла с колясками быстро уехали. Оставшиеся деревенские парни попросили у туристов топор, срубили стоящие вокруг палатки большие деревья, сложив из них пионерский

костер в несколько метров высотой. В это время опять послышался рев мотоциклетных моторов, и из колясок на свет божий появились два ящика с какой-то ярко зеленой жидкостью.

— Продащицу Зинку с постели подняли, в магазин отвезли, но ничего из спиртного, кроме этого зеленого напитка не было,— извиняясь, сказал вернувшийся из поездки в деревню паренек.

— Зато сала достали, соленых огурцов, квашеной капусты, лука с чесноком и картошку из подвала прихватили. А эта дрянь зеленая — вроде сорок градусов. Так что погуляем.

Кроме выпивки и закуски, с ребятами увязались из деревни две молоденькие барышни, прослышав про заезжих музыкантов. И просто пьянка под музыку грозила превратиться в мероприятие.

Николай взял бутылку, повертел ее в руках и сказал:

— Я сначала подумал, что это тройной одеколон в такой оригинальной, поллитровой упаковке, специально для нужд советской деревни. А это настоящий, самый знаменитый, старинный французский ликер Шартрез, цвет у него натурально зеленый, без красителей, на многих травах. Из него же коктейли надо делать, либо пить на десерт.

— Ну да,— сказал Вася, бывший моряк и главный человек среди деревенских,— Вы уж не обижайтесь, пацаны, мы от всей души старались, месячный запас всего спиртного выгребли из магазина. Другого ничего не было.

Пионерский костер разгорелся так, что его было видно за многие сотни метров вокруг, а песни ансамбля «*The Beatles*» до утра звучали над притихшей ночной Жиздрой.

Вот так «ливерпульские» спасли «московских» от «деревенских».

Алексей Яшин
(г. Тула)

ЗЕРКАЛО НА ХОЛСТЕ*

◆ Сысой не заметил, как задремал в «думной комнате». Обычно сам перед собой оправдывался: мол, вечер уже, да и дурацкая эта задумка — с якобы тайной комнатой без окон сама к дреме в конце трудового дня так и тянет... Хитрил даже перед самим собой Сысой: как исполнился ему сороковник, так организм-то не обманешь! Впрочем, сегодня прилег по необходимости: не выносил, когда в его присутствии в кабинете уборщица или работяги по необходимости находятся. Вот и удалялся на это время.

Комаринно пропищал зуммер:

— Артем Андреевич,— как бы над самым ухом раздался голос Люды,— рабочие ушли. Я, если вы не против, тоже домой пойду.

— Хорошо, Люда, до завтра.

Спустил ноги с широченного кожаного дивана, зевнул, помотал головой, подошел к двери, нажал кнопку: дверь мягко, беззвучно отъехала и также замкнулась за вышедшим в кабинет хозяином. Со стороны кабинета дверь ничем не выделялась на фоне стены. Опять усмехнулся, как всегда, выходя: игра в «зарницу»!

Глаза сразу отметили причину сегодняшней суеты с рабочими: на противоположной стороне, к которой он сидел за столом спиной, обок правого плеча на высоте обычного роста, то есть его роста, висела незамысловатая картина — черный квадрат на светлом фоне — и все. Даже обрамление холста, даром что из какого-то диковинного бразильского бревна выпиленное, не остановило бы и четверть взгляда вора-домушника по антиквариату.

Впрочем, он вполне здесь доверял своей старинной, хотя и тридцатисемилетней еще, секретарше: единственному человеку во всем мире, в отношении которого он позволил себе барскую роскошь — доверие в делах житейско-бытовых, к каковым он относил все, что касалось организации его рабочего кабинета. А в кабинете в последние годы и проходили его жизнь и быт... Потому, чтобы не нарушать эту гармонию заботы, в отношении Люды он с самого ее появления в его деловой жизни строго придерживался бюрократической мудрости: не бл... где живешь, не живи, где бл... А под жизнью он давно уже понимал свое присутствие здесь, в центре управления его большим хозяйством. «Легальный бизнес — это обналиченный общак»,— замысловатая эта фраза часто вертелась в голове.

Еще с одним, так сказать, недостатком верной секретарши он мирился: мощно красивая, в свое время выгнавшая «левака»-мужа, а теперь любяще, но строго воспитывавшая пятнадцатилетнюю дочку-школьницу, Люда с самого начала ее службы у Сысои отказалась исполнять обязанности деловой сводни: «Вы, Артем Андреевич, пожалуйста, не *идентифицируйте* божий дар с яичницей! Я без намеков всяких, просто по пословице говорю. Секретарское дело тонкое, а если из секрета-

* Глава из романа «Квадратная пустота», над которым автор сейчас работает.

ря делать многостаночницу-стахановку, то... Сами поминаете: где убудет, там не прибудет особенно...».

Сысой тогда сдержал вспышку гнева и уже с видимым интересом дослушал толковое разъяснение рекомендованной ему приличными людьми Люды. Тогда еще Людочки.

Согласившись с доводами в целом, он все же полубопытствовал: откуда у бывшего музейного специалиста-искусствоведа такое тонкое знание жизни и образность делового языка? — «Но я ведь, Артем Андреевич, в реальном мире живу, да и опыт работы с людьми имею. Может поэтому и рекомендовали меня вам».

◆ С полгода назад Сысой был по делам в крупной московской фирме из числа тех, про которые левая пресса злорадствует завистливо: дескать, успешно продают родину даже не в розницу, но только крупным оптом. Беседуя в кабинете с исполнительным директором, по давней, так и неизжитой привычке рискованного дельца «лихих девяностых» инстинктивно поводя глазами вправо-влево, почему-то остановился на картине в золоченой раме, совершенно непонятной: какие-то яркие линии изогнутые, карикатурные женские головы, почему-то искусно выписанные сапоги-ботфорты...

Хозяин кабинета, тож с наблюдательностью этих самых лихих годов, тотчас отменил интерес гостя из провинции:

— Любопытствуете, Артем Андреевич? Кисти самого Никифороса Листригонова полотно,— горделиво пояснил он явно чужими словами,— сейчас в солидных офисах мода на этот самый... новый российский модернизм. Вот наш хозяин и закупил сразу несколько картин Никифороса оптом за полтора лимо... полтора миллиона долларов и велел по кабинетам директоров развесить.

По возвращении в Бортянск как-то вечером, разгрузившись с делами, выпил стопку коньяка, вышел в приемную к уже засобиравшейся на школьное родительское собрание Люде, заинтересовав ее нынешней страстью крупных столичных фирмачей к картинному модернизму. Люда, почти по-семейному подкрашивая свои губки, кратко, но толково объяснила:

— С западников, особенно с американских банкиров обезьянничают.

— Тем более, что там появился стойкий интерес коллекционеров к русскому модернизму: от Филонова и Серебряковой двадцатых годов до нынешних, известных на Западе: того же Никифороса Листригонова. Кстати, «в девичестве» его звали Семен Магазинер. Есть у меня в Москве давняя знакомая, что при богеме вращается, так она некоторое время его подружкой числилась. Так что сведения достоверные...

— Ну-у, единственное, что осталось у нас от совка, так это название вспомогательной, рублевой валюты и интернационализм. Был Магазинер — стал Листригонов. Но вроде сейчас как раз наоборот делают: из Давыда в Давида...

— Это я к слову. По мне хоть Хайле Силасием* себя называет. Так я, Артем Андреевич, dokonчу. Наше обезьянничество есть смесь квасного патриотизма, желания похвастаться перед иностранными спекулянтами, наезжающими в Москву, а также показать, что сейчас не девяностые го...

— Все-все, Люда, я понял.— Сысой просто ценил время секретарши, опаздывающей на школьное мероприятие, но никак не обижался на ее слова: опять же почти по-семейному, тэт-а-тэт они разговаривали, как супруги на кухне, нормальным, всем понятным языком.

— А может и мне этого... как его, Филимонова в кабинете повесить?

— Не укупите, Артем Андреевич. Большую сумму из актива придется выводить. Хотя это и хорошая аккумуляция капитала. Но дело в другом даже: в нашей глухомани это никто даже оценить не сможет. Так что не рекомендую связываться с русским модерном двадцатых годов.

* Хайле Силасие Первый — долголетьный и последний император Эфиопии, большой друг Никиты Сергеевича и Леонида Ильича.— Прим. авт.

— Нд-а-а, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа,— Сысой облизнул нижнюю губу — пересохла в ожидании второй стопки коньяка, а фигура запретной Людочки намекала и на греховное на сегодняшний уик-энд,— все же не такая у нас глухомань; это вот с комбината америкосы заглядывают ко мне... Может что подешевле этому Никифору заказать? Ладно-ладно, иди. Потом договорим. Дети они посерьезнее всяких чучел на стене.

...Вернувшись к себе, Сысой принял еще сопку и позвонил дежурной своей пасии Нельке из офисников:

— Поедем за город. Сейчас с Егором подкатим. Жди.

◆ В понедельник вечером Люда, захватившая из дома альбом — компьютеру не доверяла в таких делах, цвета и фактуру искажает,— в два счета уговорила хозяина заказать Никифоросу не авторскую картину («опять же в провинции не поймут!»), а копию «Черного квадрата» Малевича.

Сложная гамма чувств и гримас отразилась на багровом от сауны и коньяка в двухдневный уик-энд с Нелькой-динамой лице Сысой при виде иллюстрации в альбоме. «Либо Людка дура все же в неслужебных делах, либо меня за такового держит»,— подумал он, но, сдерживая легкое раздражение, выслушал обстоятельный доклад секретарши-искусствоведа... И согласился. Да и заключительный довод оказался стоящим: за перелопачивание на специально состаренном холсте с красками Никифорос свыше двадцати штук баксов не потребует.

...Когда при нем распаковывали картину, привезенную специально отряженным в столицу Егором, Люда особе внимание обратила на лихую подпись Листригонова на обороте холста: «с подлинным верно» — дата и лихой росчерк. Явно взошедшая звезда российского модернизма при подписывании разминался виски перед ужином.

К картине была приложена эстетная папка из тонкой натуральной кожи, в которую подшиты несколько официальных бумаг с подписями же и печатями, подтверждающими экспертизу подлинности копии.

Пока Люда на правах ответственной заказчицы — через ту самую экс-подругу Листригонова — просматривала документы в папке и сверяла подпись модерниста на бумаге и обороте холста, хвалила качество искусственного старения картины, Сысой, поочередно посматривая то на «Квадрат», то на потолок, что-то вычислял цепким умом оценщика. Закончив мысленные упражнения, обратился по-деловому к секретарше:

— Слышь, Люда, а как эти вот штуки старят?

— Доподлинно не знаю, как-то не интересовалась в свое время, но один халтурщик-реставратор — в мою музейную бытность — рассказывал, правда, под сильным градусом. Берут аквариум по размеру картины, кладут на его дно побольше искусственного льда из уголекислоты, устанавливают в нем лицевой стороной вверх поддержку или копию, кому что надо, сверху аквариум закрывают стеклом по размеру, герметизируют замазкой. Затем в течение трех-четырёх дней, то есть суток, держат все это под мощной ультрафиолетовой лампой...

— А что мазала в эти сутки делает? Водовку хлещет?

— Зачем водовку, как вы остроумно заметили. Это же не музейный наш халтурщик. Те люди деловые. У них, наверное, и аквариумы на четыре копии, прислоненные к стенкам из стекла, что ультрафиолет пропускает. А пока процесс идет, бригада следующие заготовки мажет. Что это вас заинтересовало?

— Вот теперь мне расцеховка ясна. Итак, с учетом высокооплачиваемого трудодня Никифора этого, себестоимость этой штуки не более двух штук баксов.

— Перекреститесь, Артем Андреевич! Никифорос очередь имеет на заказы на два года вперед. У него как у Дюма — пера поденщики на копиях работают. Он же только подпись свою ставит!

— Да-а? Тогда штука с центами. Молодец! Две тысячи процентов прибыли...

Наш человек! Зови кого из подсобников, вот сюда пусть шпандорят. Закончат — звякни перед уходом домой.

Сысой только при Люде нажимал на ничем не отмеченное место на стене, открывая дверь в свою тайную комнату.

◆ Сысой привыкал к новой вещи в кабинете в самый любимый свой час: из полуотворенной уходящей Людой двери по-теплому втекал из затененной — горела только слабосильная лампочка низкого настенного дежурного бра — приемной отголосок аромата тонких французских духов и еще чего-то... хотел сказать: домашнего, но поправился: гостинного.

«Купила баба поросся», — бормотал он, недоверчиво, искоса поглядывая на Никифоросово творение, делая задумчивые восьмерки вдоль стены с картиной.

В голову сразу пришла мысль: а как он обычно, усаживаясь за совещательный стол с малознакомыми или вовсе неизвестными партнерами, либо в президиум на собраниях акционеров, либо всяких предвыборных спектаклей, оценивал людей? — Правильно, чуть сузив прищур глаз, поочередно, слева направо, ряд за рядом, если в президиуме, осматривал все новые лица, останавливаясь на каждом не более пяти-восьми секунд — привычка еще с лихих рейдерских времен. Та-ак, подряд три шелупони безмозглые сидят, каждому слову любого красная верят. Ого? Какая телка зачем-то сюда затесалась. Ей бы в постели баксы зарабатывать, пока груди торчком, а она туда же, в политику... Этот — старый отставник — пердун, но до мелких денег охочий. А вот с этим на всякий случай надо поосторожнее, черт знает, что у него на уме... И так далее.

Еще проще за совещательным столом. Здесь нет случайных персонажей, все как оловянные солдатики отлиты по ограниченному числу форм-матриц: из заматеревших братков девяностых, этот и вовсе коронован был, бывший крышевик из «силовиков», коллега-рейдер, депутат-лоббист со своей долей от общака, адвокатский и банковский. Вот и вся номенклатура. Рожи же и вовсе одним чеканом штампованные: компотная смесь алчности, хитрости с осторожностью и всех других пороков до самых мерзопакостных.

...Да и сам я такой же продукт...

Вот и сейчас Сысой, закруглив очередную восьмерку вдоль стены, чуть отошел к совещательному столу и, выбрав нужный угол обзора, полуразвернул один из стульев, присел: правильно точку выбрал!

Чтобы лишний раз не мотаться, встал, сходил на кухню тайной комнаты-квартирки, принес початую бутылку французского коньяка, хрустальную стопку с фигурной огранкой (всяких рюмок не признавал) и серебряную плошку с черной икрой — компенсация за совковые пельмени и винегрет с килькой пряного посола. Вот что качественное было, не отнимешь, так это самая рядовая советская водка, не говоря уже о «старке» и «посольской»...

Все это поставил на край совещательного стола одесную и уже прочно утвердился на ранее выдвинутом и развернутом стуле.

«Вот тебе и греческий зал», — усмехнулся сам себе.

◆ Представив, что перед ним одна из неизвестных морд на совещании или показушном собрании, Сысой сощурил глаза и уставился на неказистый рисунок картины. Однако обычного пристального сосредоточения не получалось. «То ли ты такая некрасивая, или я выпил еще мало», — пробормотал Сысой, в четверть оборота к столу налил стопку, выпил, не отводя взгляда от «Квадрата», закусил десертной ложкой икры.

Теплый комок прокатился до желудка, тело расслабилось, прищур глаз сам собой сошел. Видно и в темечко «француз» ударил слегка, ибо показалось Сысою, что со стены смотрит на него одним глазом не кто иной, как их бывший городской голова, прославившийся покупкой «для нужд коммунального хозяйства Бортыанска» табуна

туркменских рысаков. Видно, тот действительно имел отчасти цыганскую кровь. Когда на что-либо тарачился, обычно на пачку даваемых ему зеленых, то его иссиня-черные густые брови изламывались под прямым углом, обрамляя темные же глаза, выглядели на бронзоватом от кипрского загара лице этаким черным квадратом...

Сысой досадливо отогнал облик вороватого градоначальника, но здесь совершенно некстати посетила мысль: а может, как Никифор, и сам этот Малявин, или как там его — все одно от слова «малевать» — тоже на конвейер ставил свои «квадраты»? А чтобы рентабельность застахановить, так и рисунок картины самый немудреный выбрал. Почему, например, не «Черный круг»? — А потому — круг-то надо уметь «на глазок» рисовать, либо большой циркуль под рукой иметь. А циркуль-то купить — деньги тратить!

После второй стопки Сысой понесло на высокие материи, задумался он о ремесле художника.

В сельской школе-маломерке, то есть в тех начальных классах, где значатся уроки рисования, штат учителей оказался хронически недоукомплектованным. Поэтому за научение детишек высокому искусству композиции и раскрашивания взялся было спьяну и на спор физрук, но далее рисования игральные карты дело у него не пошло. Потом и вовсе запил, крепко поругавшись из-за «леваков» с женой и тещей, за что был из школы изгнан: даже в деревне всему есть предел... Потому уроки рисования, говоря современным языком, перевели в категорию виртуальных, а оценки для табеля ставили средними от общей успеваемости.

Вторая встреча с живописью произошла через полгода после появления в его деловой уже жизни Люды. Хотя и помнил он о договоре с ней: только работа, никакого интима и даже намека на него, Сысой как-то не выдержал: много коньяка с виски выпил. Опять же строга по части деловой любви секретарша Сысой, как натура художественная, вовсе не скрывала выигрышных сторон своей фигуры, а в одежде ее всегда присутствовала рискованная грань между конторской строгостью и той выдержанной сексапильностью, от вида которых у серьезных мужиков-леваков носы синеют.

Словом, начал было Сысой, облапив в опустевшем офисе Люду, заваливать ее на диван, но... получил ее коленкой такой удар между ног, что яйца закатились в лобковые отверстия. И еще предупреждение «последнее китайское» получил: «Это, Артем Андреевич, в первый и последний раз. Если же вас так возбуждают мои колени, то перейду на брючные пары. Главное, не мешайте коньяк с виски: виноград и ячмень — продукты плохо совместимые!»

С этим Люда ушла из кабинета и вовсе из конторы (Сысой не любил слова «офис»), благо трудодень давно уже закончился. Но чтобы окончательно вправить мозги Сысою, умудрилась нарочито так резко развернуться в дверях, что ее легкое, фигурно плиссированное шелковое платье «от кутюр» веером взмахнулось, на секунду показав даже на миг забывшему о вдавненных гениталиях Сысою свои изумительные бедра, почти на всю высоту обтянутые только-только вошедшими в женский обиход чулками с кружевной липучкой-окантовкой.

Пронзительно-ноющая боль вновь заставила Сысою, обхватив ладонями низ живота, согнуться так, что лоб с выступившей холодной испариной уперся в греховный диван. А в мыслях одно: «Соберись, дурак, с силами, позвони в охрану — задержать, стерву, пока не вышла с территории... Потом? — Потом пусть эти мордатые бездельники всей бандой до утра ее пользуют... Затем... затем влить в горло флакон водки, отвезти и голую выбросить в помойку около ее дома!»

Здесь он вспомнил, как поступал в детские годы после ожесточенных драк улица-на-улицу с добиванием лежащих носком ботинка между ног. Собственно, такую западнятину мог делать только пэтэушник Ржавый, успевший побывать в колонии. Так и Сысой-школьник пару раз под его раздачу попадал.

«Вот и пригодилась наука кобелю»,— уже успокаиваясь, подумал Сысой. С трудом разогнулся, переложил руки за спину, выпятился животом вперед и козлом запрыгал по той части кабинета, где не имелось коврового покрытия.

К моменту, когда в двери возник изумленный старший охранник, обеспокоенный слоновым топотом, Сысой уже выколотил свои «предметы» в положенное им место. Липкий, звериный страх прошел вместе с ознобом, а к боли от меткого удара острой туплей не привыкать матерому бойцу.

— Чего уставился? Кто звал?

— Да я-я...

— Квасник Илья! Не видишь — физкультурой занимаюсь. Вес сбрасываю. Скажи Егору: пусть машину заводит, за город поедет. Да вызвони кого из наших проб... Впрочем, не надо.

Оживший Сысой подошел к своему заглавному в кабинете столу, на котором стояли две полупустые бутылки: с виски и коньяком. Первую он с размаху запустил в растворенную дверь. Как и положено в таких случаях, бутылка с «Джонни Уокером» угодила точно в массивную бронзовую дверную ручку и вдребезги разлетелась. Коньяк же он из горла весь выдул, а тару без шума опустил в мусорную корзину.

◆ Наутро, войдя в приемную, он сухо, но решительно извинился перед Людой, одетой в брючный костюм. «Бог простит»,— также сухо, но деловито ответила она, вставая из-за стола с компьютером.

То ли двусмысленно, а скорее инстинктивно, она бросила короткий взгляд чуть ниже поясного ремня шефа. Уловив его, Сысой, наверное, впервые за последние двадцать лет покраснел: не со злости, но от давно забытого смущения. И еще ему почудилось (о, черт!) в коротком взгляде Люды что-то похожее на то выражение глаз, которое появляется у семейной женщины, с плохо скрываемым сочувствием смотрящей на ушибленное место своего супруга...

Крякнув, Сысой прошел в кабинет, закрыв за собой дверь, и позвонил кадровичке: узнать день рождения Люды, который он еще не успел запомнить. Узнав же, что до даты такового не более двух недель, опять же сам, не включая секретарский телефон, вызвал юриста.

— Слушай, Борис свет Карлович, ты ведь в Москву едешь — сам знаешь зачем?

— Так точно, Артем Андреевич, через час откатываю. Будут дополнительные поручения?

— Да-а, пожалуй. Заедешь в лучший магазин, где альбомы по этому, как его... искусству, живописи то есть, продают. Возьми что-нибудь попримечнее, в наборе, но в деловом оформлении, без этой дурацкой позолоты и пудовых переплетов. И не смотри, Карлыч, на меня так. Я еще до Кашенки не дозрел. Подарок вежливости. Ступай.

...Две недели без малого в тайной комнате на столе находилась солидная стопа художественных альбомов «Лучшие музеи мира» в роскошно-выдержанном английском издании, в стилизованных холстинковых переплетах с правдоподобной имитацией картин маслом на обложках.

И, словно подвигая Сысою на знакомство с мировой живописью, обстоятельства его деловой жизни сложились так, что обе эти недели выпали на дела с крупным тендером: областная администрация в Тулуповске получила от центра крупный куш на коммуналку и дорожное строительство. Настолько неожиданно солидный, что областное чиновничество не смогло в короткий срок его переварить, то есть разокрыть. А раскидать деньги по области требовалось — по отчетности перед центром — архибыстро. Так и Бортянску перепала немалая сумма.

Под нее, с вычетом, конечно, чиновничьей контрибуции, и был объявлен тендер. Сысой, естественно, его и захапал, но для этого пришлось десять с лишком дней трезвым с утра до вечера постоянно ездить в Тулуповск с бакшишами нужным людям, за-

сидеть в опереточных комиссиях, нести чушь о благе города и района на радио и телевидении и так далее. До полного омерзения и отупения. Главное — расслабиться, выпить как следует вечером нельзя: чтобы утром ни запашка, ни тяжести языка.

Видя этот знак небес, а без полутора бутылок Сысои на баб не тянет, он и приносившись в «тендерные» дни, оставшись один, не считая, конечно, охрану на нижнем этаже, рассматривать подарочные альбомы, по-домашнему расположившись в «тайной» комнате — при раздвинутой в кабинет двери. Сысой вообще не терпел замкнутого пространства, что умная Люда называла клаустрофобией, хотя на подводной лодке не служил. Тем более в космос не летал. А бог и звериное чутье миловали и от тюремных камер. Та же умница Люда как-то разъяснила к поводу («Люда! Сколько раз просил, когда в приемной нет ни одной морды, дверь в кабинет на две ладони оставлять приоткрытой!»): это у вас, Артем Андреевич, от деревенского происхождения, от неизбывного крестьянского устремления к необузданной вольности, символ которой — распахнутые на весь мир двери и ворота...

...Итак, поставив на стол графинчик с отмеренной дозой коньяка — чуть побольше четвертинки, заварной чайник и кой-чего по мелочи из закуски, сам расположившись в кресле, Сысой неторопливо перелистывал взятый наугад альбом.

То что альбом в текстовой части на английском, Сысой не смущало: названия картин его не интересовали, а имена авторов разбирались — школьный и институтский немецкий не совсем забылся, а по-английски он наитием научился разбирать буквы и фамилии по деловым бумагам с зарубежными фирмами. Чтобы знать, за что расписывается в договорах. Здесь он не доверял особо своей штатной переводчице. Даже в постели.

К тому же, как он давно и по другому поводу заметил: у западников фамилии пишутся на их родных языках, благо алфавит латинский у них один. Он даже как-то поинтересовался у Люды.

— А это, Артем Андреевич, от высокой и долгой западной культуры. Кстати, и в нормальном русском языке сохраняется фонетика оригинальных иностранных имен, просто мы на наш алфавит все переводим. Ввели бы, упаси бог, в двадцатых годах наши модернисты латинский алфавит, так и мы бы французские имена писали по-французски, английские — по-английски и так далее. Только восточные — в латинской транскрипции.

Затем Люда заулыбалась:

— Пожалуй, единственным в мире языком, точнее направляемым государством языком, где все иностранные имена «переводят» на свой, является хохлацкая мова. Даже здесь нынешние киевские гетманы показали свою железобетонную самостоятельность с незалежностью...

— Это в каком смысле?

— А здесь далеко за примерами ходить не надо. Я, как это ни странно для девицества, учась в школе, до восьмого класса почтовые марки коллекционировала. Потом подарила два полных кляссера однокласснику — своей первой платонической любви... Словом, сейчас, регистрируя входящую офис..., пардон, конторскую почту, с интересом рассматриваю марки на конвертах, а наиболее интересные вырезаю и в заветную папочку складываю. Пробовала для усидчивости и интеллекта дочь заинтересовать, но куда там с нынешней молодеж...

— Ты к делу давай ближе. Все же каждая моя минута ста баксов стоит. Как минимум.

Люда открыла дверцу своего стола, достала пластиковую папку с кнопкой, открыла ее, в чем-то порылась и протянула шефу вырезку из конверта с маркой:

— Смотрите. Это украинская марка.

— Ну и что? Репин на ней.

— А вы подпись прочитайте под Репиным.
— Ну-ка... Что за чертовщина: *Илля Юхвимович Рэтин*, а?
— Вот так-то, Артем Андреевич!
— Ни встать, ни упасть.

◆ Несколько вечеров общения с высоким искусством мировой живописи — под освежающий малый графинчик настоящего «наполеона» — подвинули Сысой к определенным соображениям, касающимся сущности и роли этого самого искусства.

Как человек сугубо деловой, Сысой в первую очередь оценивал произведение живописи как товар. В чем, в чем, но в оценке товара Сысой свору собак съел. Получалось так, что цена картины складывалась в определенных пропорциях из имени художника, древности картины, числа сохранившихся полотен данного художника, музея-экспозитора. Определенную роль, хотя и не определяющую, играли размеры картины, ее сюжет и степень сохранности. К таким же второстепенным факторам цены относилась и преходящая мода на автора и его прижизненная скандальность.

Но это все для европейской классики и русской живописи от Боровиковского до Репина включительно.

Для живописи двадцатого века на первый, стоимостной план выходили как раз скандалы и пиар.— В историческом и кулуарном планах. Но на первое место здесь уверенно вышла товарная продукция всяких модернистов. Вплоть до idiotических «квадратов», «шаров» и «кубов». «Чем чуднее, тем моднее, как у нас в деревне говорили», — пробормотал Сысой. И еще одну деталь в стоимостном рейтинге модернистов отметил Сысой: политическая конъюнктура. Особенно в отношении русского модерна начального советского периода.

Закончив с товарно-денежной оценкой, Сысой перешел к собственно мастерству живописцев. Здесь он поделил всех тружеников кисти и палитры на три группы: умеющие рисовать, не умеющие и умеющие, но по тем или иным причинам придурающиеся, что рисовать они не умеют. То есть сугубые реалисты, даже если они библию иллюстрируют, махровые модернисты и конъюктуришки-пиарщики.

Но попадались, правда, редко и выходившие за пределы такой классификации. Например, Сальвадор Дали. Почти каждая его картина — наполовину нормально, красиво написана, а на вторую половину — модернистская чушь.

Рассматривая альбомы с итальянской и испанской живописью не столь давних времен, пришел к выводу, что придурались не умеющими рисовать Модильяни и Пикассо. Хотя бы первый являлся клиническим психом, а второй — сугубым делягой. Про их характеры Сысой где-то слышал, явно случайно, но цепкая крестьянская память — мало ли что в хозяйстве пригодится — зацепилась.

...Так в течение нескольких вечеров Сысой определился в части живописи также с эстетикой, злободневностью, исторической правдой и ценностью, полезностью для нормального человека или полной бесполезностью и так далее.

В последний вечер накануне дня рождения Люды Сысой еще раз перелистал наиболее понравившиеся ему альбомы — о музеях Третьяковки и испанского Прадо, увеличил дозу до бутылки «Камю», благо спектакль с тендером завершился в его пользу, и сам для себя сформулировал некое *summa summarum*. Чтобы больше к высоким живописным материям не обращаться. Без них дел хватает!

Живопись, безусловно, один из древнейших видов бизнеса. Возможно, дикари рисовали на скалах пещер свои опусы за допайки жареной мамонятины. С цивилизацией этот бизнес все больше и больше ложится под политику, в том числе под церковную. Но со времен легализации масонства (разумеется, это перевод лексики Сысой на понятный язык...), то есть с эпохи Возрождения, более доходным становится бизнес «от противного», то есть художник начинает демонстративно противостоять этой политике и церкви. Когда это материально выгоднее, конечно.

Когда к началу второй половины девятнадцатого века, с потерей церковью на Западе своих позиций и демлицемерием* политики, бизнес живописцев на искусственном якобы противостоянии — за, а я вот против, и наоборот — начал хиреть, наиболее ловкие из мастеров кисти дружно плюнули на все: политику, церковь, реализм, — и ударились в модернизм. Первыми здесь запели французские импрессионисты. Как и положено французам, они здесь собезьянничали с британских художников восемнадцатого века...

Очень скоро модернизм положил полностью на обе лопатки реализм и в наше время господствует. Понятно, что уже под сотню лет все это чистая коммерция.

С позиции, так сказать, потребителя картины — достаточно удачное помещение капитала, выводимого из активного оборота. Но — не для современной России, где, как говорят знающие люди, в Шереметьеве имеется загон с самым большим в мире парком частных самолетов, из которых многие стоят под парами с круглосуточно дежурящими экипажами. Ибо вся коммерция в стране имеет криминальные корни, а пресловутая легализация суть джентльменский договор с властью: вору, но шекедь** власти отдавай.

...И если вся жизнь состоятельного человека у нас идет в ожидании спешного бегства за бугор, то все авуары надо и хранить в забугорных банках, а не вкладывать в картины старых голландцев с их сисястыми толстыми бабами или в пролеткультурскую модернистскую мазню, что нынешние искусствоведы высокопарно именуют русским авангардом двадцатых годов...

А зачем вообще человеку, человечеству нужна живопись? Но ведь нужна же, если история ее непрерывно длится от мамонтовых пещерных дикарей до нынешних своих и забугорных мазил-прохиндеев... Но до таких философских высот допивший бутылку «Камю» Сысой взлететь уже не был в состоянии. Позвонив Егору («Заводи экипаж!»), Сысой затворил тайную комнату и вышел из кабинета, весело напевая в одну восьмую голоса: «Пара-парадам, пора по бабам!»

◆ Не отводя взгляда от картины на стене, Сысой тренированно, отогнув за спину правую руку, налил стопку коньяка, поднес ее к губам и в один глоток выпил.

«А ведь не так прост этот квадрат на холсте», — неожиданно для самого себя подумал Сысой, постепенно теряя прежний, самонастройный скепсис. Понятно, что имел он в виду не серийного халтурщика-копировщика, а оригинального автора полотна.

Опять вспомнил давешнюю присказку, обращенную к «квадрату»: то ли ты мне нравишься, то ли я мало выпил. Акцент в присказке он ставил уже иной.

Уже не цыган-градоначальник глядел на него со стены одним глазом, а некто Всевидающий из черной пустоты космоса оценивающе смотрел через квадратную дыру, что соединяет наш и внешний миры, на слегка захмелевшего Сысою. А тот все тер и тер свои глаза, даже чертыхнулся: «И что ты, падла рукоблудная, на меня уставился?»

Даже появилось искушение по-купечески, разгуляйски метнуть в квадрат посудину с недопитым коньяком. Но сдержался: потраченных денег жалко, а потом на бьющийся звук, усиленный кубатурой кабинета со стенами, покрытыми звончатой евроремонтной дрянью, тотчас прибежит дежурный охранник. Им жлобам застоялым только бы поржать у себя в дежурке над хозяином...

«Ладно, живи... то есть виси пока, — пробормотал Сысой, — еще успею эту чертову дыру вместе со стенкой пробить. Чай, в запасниках у братвы с веселых времен еще достаточно тротиловых шашек осталось!»

* Вся сущность демократии западного образца выражена в словах «железного канцлера» Бисмарка: «Говорите, что хотите, только слушайте». — Прим. авт.

** Имеется в виду не денежная единица государства Израиль, а ветхозаветная этимология этого слова. Это аналог древнерусской десятины: каждый правоверный иудей, где бы он в мире ни находился, обязан отдавать от доходов свой шекедь-десятину на восстановление храма в Иерусалиме, то есть на нужды Израиля. — Прим. авт.

Настроение Сыся начал портиться, как будто из черной дыры в уют вечернего, обезлюженного кабинета закапало противно морозящим, попеременно с липким снегом, раннеябрьским дождем. И впридачу к нему из той же дыры дохнуло холодом космоса, могильным, с температурой абсолютного нуля. Это Сысой еще со школьных уроков физики помнил: ноль градусов по Кельвину или минус двести семьдесят три по Цельсию...

...Цельсию цельсиево, а Кельвину-лорду — кельвиново, но чтобы погасить озноб — в тепло натопленном кабинете — Сысой принял еще стопку.

Что же так растревожило душу Сыся, преуспевающего *олигархера* областного уровня? — Сысой, ненавидя иностранщину всей своей крестьянской душой нечерноземного русака, нарочито коверкал все эти новые слова... если, конечно, не выступал по радио-телевидению или не находился на официальных приемах с губернскими чинами. Он даже владел несколькими десятками километров нефтяных и газовых труб в распределительной сети области. «Нефть — смазка государственного механизма современной России», — любил Сысой повторять чьи-то чужие слова в мало-официальной обстановке.

Действительно, чего это ему тревожиться при таком раскладе дел в стране? — Прихватывай, спекулируй, а то и просто воруй по понятиям, сколько тебе угодно. Только шекель кому надо плати и по допустимому минимуму — налоги в госказну.

Одно непреложное правило: не соваться в политику, тем паче в высокую, государственного уровня. Понятно, что неограниченная власть денег порой делает людей глупыми и неосторожными. За всякое такое вмешательство госвласть наказывает жестко и навсегда, без права «исправленному верить».

Вот тому же Ходарковскому, вроде бы и умному, как многие евреи в бизнесе, человеку эти его миллиарды дармовых баксов* вскружили голову. И от привычной уже безнаказанности совершил он тягчайшее преступление — попытку государственного переворота: начал ездить по губернаторам и улусным ханам-султанам, склоняя их законодательно перевести Россию из качества президентской республики в парламентскую...

Учитывая современную демгуманность, его не повесили как декабристов, но из узилища он уже не выйдет: «оттянет» один срок — сразу дадут новый. Другим уроком и остережение. Глупый, наивный олигархер, почему-то решивший, что завоеванную еще *Е.Б.Н.* на расстрельной крови власть кто-то отдаст какому-то чиновничью или демократическому большинству в Федеральном собрании!

И Лужков — другой пример такого рода, правда, без отсидки. И даже деньги нахапанные оставили. Даже к супружнице его бизнесоватой с уголовкой не велено (пока?) приставать.

А еще до этих двух их соплеменник — миллиардер, медиа-магнат Вова Гусинский попробовал было вкнуть на власть — хорошо, есть Израиль, откуда, как некогда с казачьего Дона, своих не выдают...**

* Как и многие лауреаты журнала «Форбс», Ходарковский по некоей тайной разрядке был в конце 80-х годов помещен в питомник будущих миллиардеров, каковыми являлись спешно созданные в крупных городах «Дома науки и техники», через которые и началась отмывка денег и их отъем от госказны. — Прим. авт.

** До чего тесен вроде как огромный мир! Автор хорошо знал в свое, в советское время как Вову Гусинского, так и другого — по эстраднему бизнесу — кумира нашего времени: Мишу Шуфутинского. Первого он знал через своего коллегу по работе в одном тульском оборонном Конструкторском бюро, по совместительству главного фарцовщика города Леву Т. Гусинский после окончания института, кажется, театрального, был послан в Тулу помрежем местного драмтеатра, но свое призвание скоро нашел в организации всяких советско-партийных массовок и празднеств. Итак, днем автор по общественно-комсомольской разрядке смотрел на уличные шествия-спектакли, дирижуемые Гусинским, а вечером шел с приятелями в ресторан «Дружба» (зарплата инженера тогда это позволяла), более известном под названием «Седьмой корпус политеха» (первые шесть — учебные). А там в кабацком оркестре Миша Шуфутинский поет. Был он приписан к Тульской филармонии, а когда собрался уехать на ПМЖ в Штаты, то, чтобы не подводить своего соплеменника, директора филармонии Иосифа М., за год до отъезда ушел работать в кабак. Дашь Мише «на парнас» трояк — и он твою любимую песенку споеет. — Прим. авт.

Вот Сысой даже в мыслях своих к продажной девке-политике ближе чем на миллион световых лет не приближается. Даже не из понятной опаски, а от скуки и от-вращения.

◆ То есть с этой стороны порядок у Сысоа абсолютный. Как у Кельвина его абсолютный температурный нуль. Но отчего этот озноб и неуютность в душе и вообще во всем организме при взгляде на незамысловатое творение тож соплеменника Ходарковского, Гусинского и Шуфутинского? Вроде даже и бывшего столичного мэра...

Все же не ради баловства художник этот квадрат изобразил. И, наверное, не в предвкушении его будущей стоимости. Ведь представители ветхозаветного народа в наиболее известных своих представителях очень умны, но — своеобразным умом, который можно определить как абстрактно-практический (понятно, еще раз оговоримся, что это «перевод» лексики Сысоа на гражданский язык). Оставляя в стороне уже сотню лет запиаренного Эйнштейна и других, многих нобелистов — дело запутанное, во многом политико-идеологическое, Сысой определял этот сложно-составной ум как умение выразить в делах, поступках, в предпринимательстве, в искусстве и так далее некую идею, то есть абстракцию, наднациональную, надгосударственную, которая тем не менее в своей действенности является сугубо практической.

...Здесь Сысой почувствовал себя собакой, которая в общении с человеком-хозяйном все прекрасно понимает, но не имеет возможности выразить свое отношение-понимание человеческими словами. Не хватало все знающему и инстинктивно понимающему Сысоа дара ловко и гладко все это излагать в словесной форме.

Натурально сплюнув от досады на персидский, то есть современный иранский, ковер ручной работы, зафилософствовавший Сысой, явно по какой-то подсознательной аналогии, вспомнил своего деда Тимофея. Дед собирался дожить до взросления внука, но наследие войны — протез на левой ноге, многочисленные ранения и контузии, только-только позволили ему увидеть Артемку-первоклассника.

По деревенскому обычаю хромающий и слегка подпрыгивающий на деревяшке Тимофей воспитывал всю малышню в большой избе с пристройкой и летним домиком, где проживало три поколения. Все работоспособные в колхозных делах, кто в школе или на учебе в соседних городах, а Тимофей, истопив печь, приготовив едова на день, задав корм дворовой скотине, все учит и учит правде жизни подрастающее поколение. Вроде и мудреному учит, но такими понятными словами! С пяти лет Артемка запомнил слова такой же немудреной — по словам — любимой песенки деда:

*Ребята шли гурьбою
Проселочной дорогой,
Алешка шел последним
И больше всех пылил.*

*Нечаянно-нарочно,
Того не зная точно,
На пуговку ногою
Алешка наступил.*

*Поднял он эту пуговку
И вдруг на ней увидел:
Чужие, не по-русски
Написаны слова.*

*Ребята всей гурьбою —
К начальнику заставы:
Бегут, быстрее, быстрее,
Бегут, скорей, скорей!*

*«Докладывайте точно»,—
Сказал начальник срочно
И карту зеленую
Перед ними раскрыл.*

*Вблизи какой деревни,
Вблизи какой заставы
На пуговку Алешка
Ногою наступил?*

*Четыре дня скакали
Бойцы по всем дорогам,
Четыре дня искали,
Забыв еду и сон.*

*Чужого незнакомца
В деревне повстречали,
Сурово осмотрели
Его со всех сторон.*

*А пуговики-то нету
У левого кармана.
И сшиты не по-русски
Короткие штаны.*

*А в глубине кармана
Патроны, два нагана
И карта укреплений
Советской стороны.*

Предпоследний куплет Сысой за давностью лет запомнил: вроде как бдительного Алешку наградили медалью «За охрану государственной границы». Заканчивалось же после очень хорошо:

.....
*В Алешкиной коллекции
Та пуговка хранится;
За маленькую пуговку
Ему большой почет!*

Дед Тимофей, заставив Артемку повторить за ним песенку об Алешкиной пуговичке, озорно подмигнул ему, закуривая «беломорину»: «И ты, Артемка, идучи по жизни-дороге, всегда обращай внимание — на что наступаешь. Пусть и заваль какая под пятку попадет, но подумай: может, и она тебе пригодится, да еще как пригодится!»

...Сам Тимофей принял боевое крещение еще в юности, за двадцать лет почти до войны — по комсомольской мобилизации скакал на коне в чоновском* отряде.

Растрогавшись воспоминанием о деде, любившем опосля трудов дневных праведных хлопнуть перед ужином стопку-другую первача, самолично и любовно выгнанной им самим самогоновки, Сысой потянулся было опять к коньяку, не спуская левый глаз с картины, но почудилось, что магический квадрат явственно округлился, став выпуклым зрачком, и приказал бессловесно: погоди, Сысой, не напрягайся, еще не все ты во мне узрел!

Сысой, не верящий ни в бога, ни в черта, никому не подчинявшийся даже ради приличия, здесь послушался. Еще раз, напоследок, мелькнул в его памяти образ деда

* ЧОН — часть особо назначения для борьбы с внутренней контрреволюцией в 20-х годах.— Прим. авт.

Тимофея. Усмехнулся: вот были в стране некогда чиновцы, а теперь все заполнили сотни тысяч, если не миллионы, чоповцев* -охранников, отъявленных бездельников и дармоедов. Их бы, гладких, хорошо откормленных, только и знающих, что днем маяться от ничегodelания в конторах и торговых точках, вечером жрать водку с пивом, а ночью трахать, сбрасывая свои килокалории, таких же бездельниц-баб, офисных криветок... так вот их бы за станки, в армию, в инженера-конструкторы, да мало ли куда еще можно с пользой для страны, главное — для самих себя!

Увы, туда их уже не пошлешь: станки давно китайцам на металлолом продали, малочисленная армия в опереточных мундирчиках мается от безделья тож по казармам. Инженеры, тем более конструкторы, на фиг никому не нужны. Тема, как говорят братки, давно закрыта.

◆ На сей раз — все-таки дернул Сысой, несмотря на запрет всевидящего ока на стене, еще стопку — квадрат округлился в пустой и глупый женский глаз. Даже ресницы привиделись: то ли искусственные, а скорее всего щедро унавоженные каким-нибудь «мэбилен оф Нью-Йорк три в одном». Или «семь в двух», как у них, у баб в телерекламе принято завлекать.

А коль вспомнил про братков перед этим перевоплощением квадрата, то на память пришел тот досадный эпизод в его единственную поездку в Америку. По делам, конечно, когда пробовал войти в число акционеров оккупированного америкосами Бортыанского химкомбината. Правда, ничего из этого не вышло: комбинат был оккупирован железобетонно. Да еще это досадное происшествие в Нью-Йорке.

...Со времен братковской молодости Сысой неуклонно придерживался базового понятия: никого не бойся, ни у кого не проси, никому не верь. А вот тогда испугался в ситуации, расскажи кому здесь, в России,— засмеют в поросычем восторге.

Вечно же так. Нужно Сысой доехать на обычном городском автобусе в филиал главной конторы владельцев химкомбината за океаном на пересечении каких-то нумерованных стрит и авеню. Сверялся с записью на бумажке, как деревенский переросток, впервые попавший в райцентр.

Гостиничный лакей при портье, говоривший по-русски, разъяснил ему: вот за углом отеля остановка, садитесь в автобус такой-то номер, а сойдете на седьмой по счету остановке. Ориентир: единственный в этой части города шестиэтажный дом из красного кирпича постройки начала прошлого века: один из офисов фонда Карнеги.

Отсчитал Сысой шесть остановок и двинулся к передней, выходной двери — все по-америкосским правилам, ни до кого не дотрагиваясь, не наступая на ноги наглых негритосов, развалившихся на сиденьях, а свои ножища в кроссовках сорок последнего размера выставивших до середины прохода. Как понял Сысой по их мордам и надписям на одинаковых майках, ехали игроки районной бейсбольной команды.

У двери, держась правой поручни, готовилась на выход бабенка неопределенного возраста, явно по комплекции не проститутка. Сысой пристроился слева. Вот и краснокирпичный старинчатый дом: на выход!

Но веселый и темпераментный водила-латинос так лихо притормозил, да еще с фигурным вывертом автобуса к остановочной площадке, что пухлая бабенка угрожающе надвинулась на Сысою. Не задумываясь, по инстинкту уже почти забытых за давностью лет поездок в общественном транспорте, тот мягко подхватил соседку под локоток и даже сдержанно улыбнулся, ожидая от толстушки ихнего «эксьюз ми сэр».

Но та вдруг задергалась всеми своими отвислостями, завертелась этакой чертихой-ведьмой на сковородке и прокуренным, почти мужским голосом что есть мочи заорала, выкрикивая про полицию и какую-то «сексен эмерджи»**.

* ЧОП — частное охранное предприятие.— Прим. авт.

** Sexual emergency (англ).— в смысле «сексуальное опасное домогательство».— Прим. авт.

И вот здесь-то Сысой впервые за последние двадцать-тридцать лет своей жизни не на шутку испугался, мигом вспомнив, где он находится, о чем его еще в России перед отъездом поучали опытные заграниздоки. Понял: промедли он — и не миновать американской отсидки. Водила же захохотал и открыл дверь-гармошку. Сысой, не взвизывая света, выпрыгнул, минуя ступеньки, на асфальт, обогнул хилую очередь на посадку и постыдно побежал за угол здания фонда Карнеги, затем свернул в какой-то проулок, потом еще в один, выскочил на оживленную авеню, где, смешавшись с толпой, перешел от иноходи на обычный шаг. Сердце колотилось третий всего раз в жизни; первый — когда в день своего шестнадцатилетия стал мужчиной с такой же еще неопытной девицей, второй — когда на бандитской стрелке положили его дружка, целились и в него, но пуля-дура в «девятку» над ухом прошла...

Шагая с постепенно успокаивающимся сердцем, Сысой кусал от досады губы: совок он и есть совок! Ведь не раз говорили ему партнеры по бизнесу: в Штатах ближе чем на метр к ихним бабам не приближайся! А если перед тобой или рядом какая-нибудь сука закричит, делая вид, что подвернула на каблуке ногу, то отвернись и скоренько мимо проходи: подстава под денежный шантаж!

Сто процентов, что и эта... которая в автобусе, случись на остановке полицей, обобрала бы его до нитки, пришлось бы из России и оффшоров все движимое и недвижимое ей отдать.

...К вечеру стало ясно: акционером ему не стать. Совсем разозлился и полуночным самолетом отбыл восвояси.

Все правильно ему говорит квадрат на стене: не только в Америке, но и у нас сейчас бабы есть полная пустота, как резиновые куклы из секс-шопа: голова на чувства пуста, а что между ног — по таксе. Но, в отличие от резиновых тренажеров из шопа, они очень и очень коварны и опасны. Это вам не наивные комсомолки и влюбчивые студенточки прежних времен.

Пустота, даже в прежней женской опоре жизни пустота. Черный квадрат бездушный. Дыхание ледяного космоса даже в биологическую первооснову человеческой жизни вторглось.

◆ Единойжды в жизни Сысой был в комнате смеха с кривыми зеркалами. В студенческие годы. Летом, вернее в начале лета, в июне, в городском парке раскинули свои шатры бродячие цыгане-аттракционщики из Чехии... нет, тогда еще Чехословакии. Сдав последний экзамен весенней сессии, пошел Сысой с однокашниками в парк. Нахлебались тамошнего пива с принесенной водкой и хохмы ради заглянули в шатер с зеркалами. Все хохотали спьяну, но Сысой хмурился. Отчего? А от того, что кривые зеркала били не в бровь, а в глаз, стократно усиливая, прямо-таки выпячивая все недостатки лица и фигуры, даже самые мельчайшие, о которых он и не подозревал. Больше он в подобные зверинцы не захаживал.

Но судьба-злодейка коварна, хитроумно утвердив на стене кабинета Сысою нечто почище аттракционного кривого зеркала. Если кривое зеркало дает, хотя и искаженное, но все же изображение живого человека, то черный квадрат отображает лишь душу его. Причем душу опустошенную. На человека же с душой трепетной, волнуемой, энергичной, любящей, созидательной это зеркало на холсте никак не реагирует. Да человек с такой душой долго не задерживается перед такими зеркалами. Отдав минуту вежливости прославленной картине, от тотчас забывает о ней и устремляется к полотнам, демонстрирующим реальную живую жизнь.

Понимает даже захмелевшим от «камю» мозгом Сысой: ничего хорошего в нем квадрат-зеркало не покажет. Таково его свойство. Но зачем травить душу? Почему самолично сейчас же не сорвать эту пакость со стены, растоптать, переломать раму и весь хлам выбросить через дверной проем во владения Люды? А уборщица спозаранку все уберет.

Здесь Сысой почему-то вспомнил обычный въезд в Москву жарким летом. Мучительное движение машины по забитой Варшавке: два метра тихо матерящийся Егор проедет, пять минут стоит, снова два метра, снова пять минут...

Скучно сидеть в наглухо закрытом «мерине» с пронзительно дующим замогильным холодом кондиционером. Откроет с досады Сысой затонированное окно, а в него ловкий парень, снующий около приличных машин, зашвыривает журнальчик службы секс-услуг: проститутки всех возрастов и рас в рабочих позах, перечень услуг и телефон для заказа телок. Среди этого паноптикума обязательно с десяток предложений садомазохистских услуг.

Вот таким садо-мазо и является сейчас для Сысои черное зеркало на холсте. А для чего ему понадобился этот душевный садомазохизм? Именно ему, человеку даже без намеков на какие-либо пресловутые комплексы? Не мог этого Сысой себе сам объяснить. Не потому что ученых или иных содержательных слов не хватало, а просто: не мог и баста!

Все в Сысое четко, железобетонно определено: совесть, или ее отсутствие правильнее; крепкий крестьянский ум безо всяких экивоков в мечтательность и меланхолию; стальная практическая хватка; сугубо потребительское отношение ко всему и вся — от перемены погоды на дворе до женщин и семьи. Никогда он и собой, своими делами не любовался, все воспринимал как плату за нелегкий его труд. Само собой, братковский принцип — никому не верь, ни у кого не проси, никого не бойся — настолько пропитал его кровь, мозг, все органы тела, что, будь он биологом-аналитиком, мог бы сказать: в каждой клетке его организма, включая ногти и волосы, поселились гены братковского принципа.

...Здесь Сысой расхохотался. Облегченно расхохотался: никакой это не садо-мазо! Это примитивный самоконтроль, с которым любой человек смотрится в зеркало, отправляясь на работу, к знакомой бабе в койку, на бандитскую разборку, на прием к очень высокому, в манхэттенский небоскреб, к чиновнику. Смотрит и прикидывает: да, вроде все в порядке, галстук на шее, «макар» за поясом, презерватив в кармане...

Так и я нашел себе зеркало на холсте. В отличие от обычных, ныне китайской фабрикации, зеркал, это — двусмысленное, с подтекстом, а это уже интересно.

◆ Да-да, регулярный, порой даже постоянный, самоконтроль необходим для деятельной натуры. Чтобы не зарываться, не расслабляться, словом, много всяких «не». Так чего же на зеркало пенять, коль рожа крива?

Еще раз облегченно всхохотнув и выпив коньяка, Сысой посмотрел на картину почти что дружелюбно. Кто сказал, что криворожему запахло в зеркало смотреться? Да-да, что-то он смутно помнил из школьных уроков литературы, как Чернышевский, духовный предшественник красных комиссаров, сочинил диссертацию, в которой всю ученую публику огорошил: дескать, самая отвратительная, бородавчатая жаба есть совершенство природы в своей среде...*

Сысой, конечно, не самая выдающаяся жаба в человеческом толковище, есть жабы-человеки и попуырчатей намного, но и не из последних. Так почему он должен смотреться не в черный квадрат, а в чуждые для него зеркала совковых моралистов и гнилой, безлошадной интеллигенции? Если разбираться, то ближе всего ему обычная крестьянская мораль: через труды не всегда праведные, накопи на лошадь да пару коров, подведи прежде соломенную избу под железную крышу, стань крепким хозяином-кулаком, фермером по-нынешнему, построй маслобойню, обведи вокруг пальца городской банк и купи пару тракторов под списание кредита в очередную холерическую акцию госвласти «по защите отечественного сельхозпроизводителя». И стремись к возделенной цели: стань почти что помещиком в своем селе.

* Сейчас это одно из базовых положений (не о жабе, понятно, речь) этики неопозитивизма-философии современного буржуазного общества (Рассел, Витгенштейн, Дж. Мур и др.).— Прим. авт.

Черная ли душа Сысоя отражается в черном квадрате зеркала на холсте? — Не чернее, чем у других. Почти всех других, исключая юродивых правдолюбов, совковых последышей, серых трудяг, непонятно за какую идею горбятящихся за неполные десять штук «деревянных» в месяц.

Кто им мешал обогатиться двадцать лет назад, когда сверху провозгласили: бери сколько сможешь переварить, сколько сможешь отобрать и унести в свои закрома! Другое дело, если оказался к этому дню «икс» свехосторожным, просто трусливым, слабосильным для братковских поединков волчьих девяностых, брезгливым для выковыривания золотых из навоза. А ведь время было: не поленись подставить лопатушахтерку, в которую почти что с неба зеленым роем посыпятся бумажки с портретами американских президентов; чуть попозже — кремового оттенка еври.

Так что им, хлюпикам и просто безмозглым, неча на свое совковое зеркало пенять... Не у него, Сысоя, рожа-то оказалась кривая, а у них, слабовольных и слабосильных. Ведь в человеческой истории, если хочешь выжить, тем более жить без особой оглядки, непременно надо играть по правилам своего времени, а не повторять уныло: раньше и вода была мокрее... Вот на таких и возят эту мокрую воду прежних времен.

◆ Люда, она же Людмила Евгеньевна, самая умная из ныне и до того знакомых Сысою женщин. В чем-то даже умнее почти вдвое ее старшей тетки Нины Тимофеевны, недавно учудившей такое, что Сысой упорно изгонял из своей головы.

Люда настолько, даже не по-женски, умна, что порой Сысоя это тревожит ревностью: а не умнее ли она меня?

Очень, очень редко, причем мимолетно, за другими конторскими делами, обмениваются они серьезными словами. Из этих слов тоже не дурак Сысой постепенно, по фрагментам узнал, что думает о нем Люда. Именно не как о начальнике, боссе, а о самодостаточном, пусть и по-своему, человеке. Это, синтезированное им, мнение Люды состояло из двух полярных тезисов, как бы ловким оборотом сказала секретарша. Первый тезис: Сысой из тех крепких передним и задним (речь, понятно, не о физиологии...) умом мужиков, без которых в любые времена Россия превратилась бы в какую-нибудь селедочно-безликую Норвегию и иже с ней. В таких, как Сысой, из поколения в поколение все еще передается основательная, общинно-крестьянская первооснова России. И не зря западников более всего занимает загадочная русская душа. И таковой она будет до тех пор, пока не иссякнут у нас характеры навроде Сысоя: как положительные, так и негативные.

Этот тезис для Сысоя, как кот, разлегшегося на кресле после плотного ужина по шерстке погладить. Только глядящая рука должна быть мягкой, расслабляющей и теплой. Мур-р-р!

Тезис второй: Сысой — взрослое дитя своего, волчьего времени кардинальных перемен. Причем перемен не естественных, к которым человек ненавязчиво привыкает, как к своему взрослению, например, но сугубо искусственных. Навязанных извне, со стороны вечно ненавидящего нас Запада. Да и Востока тоже.

А раз Сысой есть квинтэссенция такого времени, то есть он одинокий волк, дорвавшийся вне стаи-коллектива до овечьего стада без пастуха. Зарезал одну овечку — нет бы закинуть ее за спину, отнести в лес, нажраться до отвала и проспаться трое суток... Так нет, обезумев от жадности и безнаказанности, начал резать овцу за овцой. Загубил все стадо, даже не удосужившись подумать: а зачем ему эти тонны скоропортящегося мяса? С другими волками поделиться? — Хрен вам, все мое! Пусть протухнет, но никому близко подойти не позволю!

Несмотря на нелюбимую содержание второго тезиса — разумеется, Люда про волков ни полслова не говорила — Сысой ничего опровергнуть не мог. Также ничего не стоили, даже единого деревянного рубля, детские самооправдания: все так

делают, не я капитализм в дичайшей его форме в Россию привез, если не я захапаю, то меня самого захапают и так далее вплоть до махновского девиза: кто говорит, что государство — это мы? Государство — это нас!

Как ни странно, но та же Люда несколько успокоила его, как-то ненавязчиво подсунув Сысою книжку профессора из Тулуповского университета, бывшего полковника Хмурова. Дескать, Артем Андреевич, завтра летите по делам фирмы на Тайвань, путь туда и обратно долгий. Так вы под умеренный коньяк (она выразилась, конечно, иносказательно) почитайте эту занимательную книжку. Правда, за нее профессора Хмурова в классики лженауки «записали»; но это как раз означает, что написано с толком.

Сысой, думавший в этот момент совершенно о другом, приземленном, чисто машинально положил аккуратно изданный томик в раскрытый на столе дипломат, куда Люда помогала укладывать папки и скоросшиватели с командировочными бумагами.

...Уже в самолете Сысой с огорчением вспомнил: забыл затариться на полет коньяком, а сам самолет оказался тайваньской авиакомпанией. Сысой же не доверял пойлу, что подают на азиатских линиях. Поэтому даже обрадовался, обнаружив в дипломате книжку.

Написанная рубленым военно-артиллерийским слогом, посвященная биологическим атавизмам современного человека, она так увлекла поотвыкшего от серьезного чтения Сысою, что ко времени приземления в аэропорту Тайбэя трехсотстраничный том уже уложился в цепкую память аэропутешественника. А главное, он почувствовал себя как рецидивист по прочтении судьей оправдательного приговора. Ибо автор книги убедительно и безапелляционно доказал: частнособственничество и безудержная тяга к накопительству есть биологический атавизм, в котором человек не виноват: против законов эволюции не попрешь! Степень же проявления этого атавизма опять же зависит не от конкретного человека, но определяется социальной, государственной средой. То есть каков поп, таков и приход. И я не я, и свинья не моя.

◆ «Камю» обмелел и уже казал донце, подобно коралловым рифам в отлив теплого полинезийского моря на стыке Тихого и Индийского океанов. Веки Сысою отяжелели, клонило в сон. И черный квадрат тоже устал от своих мимикрий-подмигиваний хозяину кабинета.

Приподнятое было настроение Сысою сменилось — в обратной пропорции к числу выпитого — столь презираемой им меланхолией. Нет, избави, бог, подумать, что Сысой в чем-то каялся! И сейчас он глубоко презирал весь мельтешащий под ногами людской мир. Не более высокого мнения он был и о своих, так сказать, коллегах из преуспевающих классов, и, тем более, о всех «кто над ними».

Нет, его меланхолия опять-таки навеяна созерцанием черного квадрата на стене. Пусто и неуютно все же жить Сысою. Деньги — цель и движение Сысою по миру и времени — это, конечно, страхует от любой зависимости от сильных и слабых мира сего. Но ведь они — очень даже непрочный фундамент. Ибо если деньги изначально стали целью, то это есть тупик. Цель никак не может быть перманентной, постоянно отодвигаемой: миллион рублей — миллион долларов — миллиард... и так далее. Это не цель, а всего лишь движение накопительства без цели.

Целью может стать лишь ориентир: нечто, во что будут вложены деньги. Как картинная галерея у Третьякова, революция у его собрата-купца Морозова, частная опера у Мамонтова. Есть по-своему оправдательная цель у американских банкирских семей: поддержание финансовой власти в Штатах и во всем мире.

А у сугубого индивидуалиста Сысою такой оправдательной цели нет и не предвидится. Ибо ни во что благое он деньги вкладывать не собирается. Свои миллиарды, к сожалению, пока рублей, и в четыре горла не прожрешь, не пропьешь, как ни старайся. Даже на сверхалчных баб и весомой толики не потратишь, хотя бы двадцать че-

тыре часа в сутки не вставай с кровати-сексодрома и жри виагру ведрами для поддержания суточной эрекции...

Семья-наследница? — Смешно и говорить. Глупейшей жене и денег-то его не считать, если, не дай, бог, взорвут машину с Сысоем коллеги по большому бизнесу. Оставить капитал двум своим дочерям, которых он отправил якобы учиться в Англию, чтобы здесь не скурвились,— еще нелепее.

Сына нет, да и если бы был? — Вырос если бы не мот, то серая посредственность: всякий талант, в том числе талант накопительства любой ценой, передается только через поколение.

...Куда ни кинь — всюду клин. Тьфу!

...Сысой допил «камю», аккуратно поставил посуду в мусорную корзину. Туда же сбросил с тарелки нетронутую закуску. Затворил дверь в тайную комнату. Подошел к картине, пару минут на нее смотрел. «Я не пьян, но ты мне нравишься»,— умиротворенно произнес. Погасил свет в кабинете, захлопнул дверь, прошел через затемненную приемную, спустился на первый этаж.

Садясь в машину, на немой вопрос Егора ответил:

— Домой.

«Стареет барин,— беззлобно подумал Егор, выводя «мерин» за ворота офисной усадьбы,— да и как не постареть с такой-то совестью?» — Тут же про себя поправил — с отсутствием совести.

Рудольф Артамонов*
(г. Москва)

«АВРОРА»

Не помню его имени. Запомнился по выражению, которое, видимо, употреблял для обозначения хорошо сделанной работы: «Аврора!» А работа, которую он сделал для нас, была печка.

При постройке дачи было решено, что обязательно должна быть печка. Лета бывают разные. В иной год в самой их середине, откуда не возьмись, подкатит холод градусов в четырнадцать-пятнадцать. Неуютно становится в дачном доме.

Кто присоветовал его, как печника, тоже не вспомнить уже. Дачный поселок только начинал строиться, и спрос на всякие работы был большой. Приходили из деревни, предлагали огород вскопать, забор поставить. Еще какую-нибудь работу сделать.

Он предстал перед нами, невысокий, но жилистый, видно, что сильный. Лет сорока.

— Сколько, хозяин?

— Двести.

— Двести пятьдесят!

— Давай.

Ударили по рукам.

Эта сумма его явно вдохновила.

— Завтра начну, — сказал он и вмиг исчез.

Деревня от дачи была недалеко, с полкилометра. Это была деревня, как деревня. Черные избы. Палисадник с подсолнухами. За избой огород картофельный. Стог сена возле сарая. В магазине только крупы, пряники. И хлеб — черный буханками, белый — батонами. Под низким беленым потолком желтая липучка, усеянная черными мухами. За молоком очередь. Это в деревне! Старухи ворчали — понаехали дачники, молока не достается. На что жили, сказать трудно. Понятно, почему наш Аврора так воодушевился, столкнувшись о двухстах пятидесяти рублях.

Он пришел утром следующего дня и взялся за работу.

Мы приезжали на дачу до отпуска наездами, в выходные. Приближаясь к дому, все смотрели, готова ли печка. Труба над крышей не появлялась долго. Зато в каждый наш приезд приходил Аврора. Просил выпить. Когда это нам надоело, стали отказывать: мол, не привезли. Тогда он просил чаю.

— Разве это чай. Дай-ка сюда, — говорил он.

Высыпал в кружку полученную пачку почти до половины, давал настояться и выпивал, почти залпом. После этого приходил в благодушное настроение.

— Квартиру мне дали от совхоза. Дом у меня старый был. Детей пятеро у меня. Почти все погодки. Жена хоть и слабенькая, а молодцов нарожала.

Видели мы эти квартиры. Одноэтажные коттеджи, поделенные смежной стеной пополам, на две семьи. С обеих сторон палисадники на каждую семью, а на задах — огород, стог сена, сарай.

* Наш постоянный автор, лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год.

— Корову держишь?
— А тебе зачем?
— Молоко бы у тебя брали.
— Не-е. Не держу. У соседа моего берите. У него две. Теперь разрешили коров держать. Хоть две, хоть три.
— А чего ты без коровы?
— Ну, ее к лешему. Покос далеко дали. Не находишься. Корма дорогие. Да и сама болеет, слабая. Сердце у нее.
Строил печку он долго. Мы уже были в отпуске. Приходил с младшим сыном и собакой. Тузик был чистокровной дворнягой, лохматый и грязный. Мальчишка, лет пяти, беленький, синеглазый и худенький. Они сидели с Тузиком смирно в саду и ждали, когда Аврора освободится от работы.
Впечатление, что Аврора, хоть и невелик ростом, но жилист и силен, подтвердилось. Под основание печки у нас было заготовлено четыре бетонных блока, которые используются обычно под фундамент дома. Как Аврора затащил их под дом, понять было невозможно. Вряд ли кто-нибудь ему помогал. Не захотел бы он делиться деньгами. Значит, сам затащил. Сноровистый был. Как-то привелось видеть, как с разбега по пологой крыше терраски он вмиг взбежал на крутую крышу дома наладить печную трубу. Года через три возникла мне надобность подняться на крышу. Попробовал, как Аврора, с разбега добежать до верха. Не получилось.
Печка, наконец, была готова.
Видимо, это была первая печка в его жизни. Он, не скрывая удовольствия, любовался ею. Гладил беленые шершавые стены.
— Смотри, хозяин. Не печка, Аврора! Стрелять можно. До самой смерти меня вспоминать будешь.
Через год, на следующее лето, проходя мимо нашего дома, забежал полюбоваться своим творением. Посмотрел на печку любовно.
— Аврора!
И побежал дальше.
Не дать, не взять, художник, любующийся делом рук своих.
По совету Авроры стали брать молоко у его соседа. Тот держал двух коров. Приходили за молоком к вечерней дойке. Парное, с пеной по краям банки, теплое было молоко.
Как-то пришли, пока ждали, когда подоят, слышим женский крик и матерную брань с соседнего палисадника.
— Аврора Аньку учит. Как напьется, буянит,— сказала хозяйка, заметив наше вопросительное переглядывание между собой.
— Часто?
— Да почти каждый вечер.
Значит, и в деревне нашего печника звали Авророй.
— При детях?
— А что дети. И пьют при детях и бьют при детях. Они привыкли. У нас почти каждая вторая семья такая. Кто не пьет в деревне?!
Встречали мы Аврору и в деревне, когда ходили в магазин.
Как-то стою в очереди, входит Аврора. Как всегда, навеселе.
— Петрович, это почему ты первый, а я последний?!
— Долго спишь.
— Ах, твою мать, ты почем знаешь, сколько я сплю? — весело, с задором воскликнул он.
Если был пьяный, всегда спрашивал:
— Как там моя печка? Фурыкает? Приду посмотреть.
И приходил, если был подвыпивший.

Трезвый стеснялся подходить и заговаривать.

Прошло несколько лет. Заведующий стареньким, с мухами, магазином Вася, молодой крупный парень, завел собственный, частный магазин. Красного кирпича, с арочным входом. С почти городским набором продуктов: колбасы разных сортов, кисломолочные продукты, сыры, кока-кола... В общем, стерлась «грань между городом и деревней». За молоком ходить уже не было надобности. Оно был в магазине в пачках.

Аврора долго не появлялся.

И вот как-то зашел. Прежнего Аврору было не узнать. Ни задора, ни бесшабашности. Понурий, молчаливый.

— Как жизнь? Пришел на печку посмотреть? — спрашиваем.

— У меня жена померла недавно.

— От чего? Болела чем-то?

— От сердца. У нее сердце было слабое.

На глазах Авроры были слезы.

Язык не повернулся сказать, что померла, наверное, от твоей пьянки.

Печку смотреть не стал. Постоял молча и молча, не попрощавшись, ушел.

Как-то понадобилось починить забор на даче. Попросили дачного сторожа, жителя той же деревни, позвать Аврору. Дать ему заработать.

— Помер Аврора. Прошлый год.

— От чего?

— Известно, от чего. От водки.

— А с кем же дети? Пятеро у него было.

— Тетка родная взяла. Сестра его.

Так через нашу дачную жизнь прошел Аврора. Печка напоминает о нем. Работает исправно. Может, еще кто вспоминает его.

УРОК

*Памяти друга — врача и журналиста
Алексея Поликарпова*

Всякий студент-медик, не лишенный воображения, к пятому курсу вдруг обнаруживает в себе сходство с Антоном Павловичем Чеховым и берется за перо.

Не избежал этой участи и я.

По вечерам, когда учебный корпус пустел, и коридоры становились гулкими и тихими, мы собирались в редакции институтской многотиражки. Включали настольную лампу с зеленым абажуром. Гасили верхний свет. Из полумрака комнаты выходил один из нас, садился за стол, раскрывал свою заветную тетрадь и начинал дрожащим от волнения голосом читать свои рассказы или стихи.

В усеченном конусе света белели страницы рукописи и не находящие покоя руки начинающего писателя. После чтения начинался «разбор полетов». Это было самое страшное. Пошады не знали. Стол, за которым читали, назывался у нас «Лобное место».

Самые уверенные в своем писательском таланте приглашали на литературные сборища своих подруг. Через некоторое время, когда мое дарование, казалось мне, окрепло, я тоже пригласил однокурсницу Лиду Лисицыну, смешливую пышноволостую девушку, которую я называл Ликой.

Присутствие прекрасных дам резко обостряло ситуацию. Отчаяние, порой, не знало границ. Но зато когда выносили оправдательный приговор и признавали наличие таланта, хотя слово это никогда не произносили, и девушки не сдерживались и дарили нас аплодисментами, счастье было полным, как у Нобелевских лауреатов.

Иногда, не дожидаясь очередного сидения вокруг лампы с зеленым абажуром, собирались в сквере Мандельштама, что рядом с институтом. Читали друг другу до глу-

боких сумерек, пускали по кругу бутылку перцовки за два двадцать, и лучшей наградой за наши литературные подвиги было нам сияние восторженных глаз наших друзей.

Совсем вскружило нам головы открывшееся на Комсомольском проспекте кафе «Романтик». То было время хрущевской оттепели, счастливо совпавшее со студенческим периодом жизни. Мы только по западным романам знали, что можно, сидя в кафе, писать романы. Так делал, например, Хемингуэй — кумир юности нашего поколения. Нет, конечно, никто из нас не собирался сидя в кафе писать роман. «Романтик» был объектом общепита. Но раз в месяц кафе было наше. Дозволялось за весь вечер заказать лишь чашечку кофе или бутылку боржоми, и, взойдя на возвышение, на котором сидел джаз-банд, и обратя свое пылающее от волнения лицо к залу, читать, читать...

Это было «гвоздем программы». Насколько мы чувствовали себя в сей обстановке талантами, чья слава уже занималась,— трудно передать словами.

В перерывах между чтением танцевали. Именно в этот момент мы получали от своих друзей самое искреннее и взволнованное и казавшееся нам объективным свидетельством о наличии несомненного дарования и провидение великого будущего на литературном поприще.

Но вскоре на блистающем горизонте появилась тень. Этой омрачающей тенью был мой однокурсник Боря Быков. Он же «бык», он же «шея». Ибо шея его была толста и кругла, как пьедестал. На этот пьедестал была водружена крепкая квадратная голова. Папа у него был то ли генерал, то советработник. Думаю так потому, что в отличие от нас, длинноволосых, он стригся под верноподданнический полубокс. Так либо иначе, но был он самоуверен, напорист и напроочь лишен сантиментов.

Он обозначил свою по-боксерски скроенную фигуру рядом с пышноволосой Ликой как раз в пору расцвета моего литературного таланта. Неотвязно и напористо следуя за ней, он приходил на наши чтения в редакцию и в кафе «Романтик». Наши рассказы и стихи его не интересовали. На его литературное ухо тяжело наступил медведь. Его посещениям мы были обязаны Лике.

Сначала я не заметил между ними обоюдной симпатии. Затем она начала проступать все более отчетливо. Меня охватила паника. Надо было что-то делать. «Но что!?» — мучительно думал я. Силы были неравны. За ним — папа, генерал или советработник, сытая еда и рано проступившая грубая мужицкая сила. Я же — совсем из другого социального круга и, как подобает начинающему писателю, был бледен и скуден телом.

Было у меня одно несомненное преимущество перед Борей-шеей. Мое перо. И я решил им воспользоваться.

Я забросил учебные дела, неделю не выходил из дома и написал рассказ. В нем моими героями были нежная умная девушка с пышными волосами по имени Лика и неотступно преследовавший ее парень — быкообразный тупица с круглой и толстой шеей. Притязания его, само собой разумеется, оказываются тщетными. Девушка предпочитает юношу, пишущего ей талантливые стихи.

Рассказ мне нравился. В нем нашли отражение борьба света и тьмы, грубой физической силы и нежного возвышенного чувства.

Я возлагал большие надежды на свое произведение. Оно должен был вернуть мне Лику. Я отнес рассказ ей и стал ждать. Когда прошло два дня, решил, что рассказ прочитан, возымел действие, и сердце пышноволосой Лики снова стало моим. Я шел к ней, и мечты и надежды мои простирались далеко. Мною владело предчувствие награды.

Разочарование было жестоким, и была жестокая физическая боль. Воплощением этого был Боря-«бык», он же «шея». Он встретил меня в подъезде, и я сразу догадался, что меня ждет.

Короткий хук левой обрушился на мою челюсть. Голова моя мотнулась и больно

ударилась о жестяной почтовый ящик. Это было только начало. Боря бил меня долго. В голову, по корпусу, ниже пояса. Самое обидное в этой позорной экзекуции было то, что он постоянно приговаривал — «писатель говенный», «я тебе дам бык», «я тебе дам шея».

На том и кончилась наша с Ликой — Лидой Лисицыной — любовь. Предательства я не простил.

Но вместе с любовью исчез и мой талант. Видимо, Боря так сильно врезал мне по черепу, что из него вылетела всякая способность складывать слова в литературные фразы. Так я не стал писателем. Стал врачом.

В чем урок? Студентам-медикам, не лишенным воображения, не следует делать героями своих произведений реальных и знакомых людей, а литературное творчество — орудием мести.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

Роберт Петрович, вдохновленный примером деятелей культуры, активно включившихся в благотворительность, решил не отставать. Но был застенчив, сказать коллегам по работе давайте, мол, соберем деньги и отошлем детскому дому, стеснялся. Кто он такой, чтобы приниматься за такое дело. Другое дело популярный человек, народный или даже заслуженный артист. Все знают, по телевизору часто показывают. Кто не хочет, и тот откликнется. А он? Молодой ординатор. Слово-то какое — ординатор, ординарный то есть — обыкновенный, заурядный!

Но вложить свою лепту хотелось. Пусть небольшую. Совсем малую, но свою, чтобы на душе стало легче. А то живешь только для себя, для своей семьи, а вокруг столько нуждающихся. Кто-то недоедает. Кто-то бедно одетый. Плохо обутый.

Последняя фраза — плохо обутый — дала ему как бы толчок. Вдруг сразу осенила мысль, тут же позвавшая к действию.

— Аля,— сказал он жене,— давай разберем обувь. Уже зима, летнюю можно отправить на антресоль... По-моему, много лишней. Ребята выросли. Что-то стало мало.

— Делай, как знаешь,— отозвалась Аля, занятая на кухне.

И молодой ординатор принялся за дело. Обычно не любил заниматься хозяйственными делами. Ведро с мусором вынести, больше ничего. А тут исполонился энтузиазма.

Сначала отобрал летнюю обувь — туфельки, кеды, тапочки. Что, по его мнению, были уже малы Светланке, полетело в рюкзак.

— Знаешь, зимние сапоги тоже уже малы Петьке. Выбрасываем.

И сапоги тоже оказались в рюкзаке.

Через полчаса вдохновенной работы набралось изрядное количество разнообразной обуви — летней и зимней.

— Не перестарайся, детям что-нибудь оставь,— сказала жена.— Куда денешь? — спросила она.

— Секрет,— отшутился муж.

А деть он собирался в деревню. Недалеко от их дачи были Петровки. На электричке от города час езды.

В выходной день отправился с рюкзаком за плечами на дачу.

Был морозный ясный день, и настроение было хорошее, приподнятое. Шел на благотворительное дело. В душе звучала музыка сороковой симфонии Моцарта, которую он любил. Та-та-та-тарира, пела душа.

В холодной даче включил электроплитку, скипятил чаю, подкрепился бутербродами, взятыми из дома и, продолжая пребывать в самом приподнятом настроении, отправился в деревню, что была в полутора километрах от дачи.

Шлось легко по наезженной машинами колее. Поскрипывал утрамбованный снежок. Воздух был чист и морозен. Дышалось полной грудью.

Через полчаса, пройдя пол-деревни, Роберт Петрович подошел к зданию деревенской управы. Поднялся на крыльцо. Дверь была заперта. Постучал. Тишина. Еще постучал. Минут пять стучал. Наконец дверь открылась, вышел пожилой небритый мужчина с непокрытой головой, в телогрейке и валенках.

— Чего тебе? — сказал он. Его тон и недовольный вид говорили о том, что побеспокоили не вовремя или оторвали от сна.

— Я вот тут,— начал Роберт Петрович, снимая рюкзак с плеч,— принес обувь для детей. Примите, пожалуйста.

— На кой она мне?

— Это бесплатно. Это благотворительность,— торопливо добавил доктор.

— Нет сейчас никого. Не приму.

И дверь перед ним закрылась.

Что делать?

Должно быть, есть другой вход в этот административный дом.

За углом он обнаружил еще одну дверь, на которой не было вывески, извещавшей о принадлежности дома к местной власти.

Стал стучать. Через минуту дверь открылась, на пороге стоял все тот же мужчина.

— Нечего стучать! Сказал — не приму,— прозвучало как приговор.

— Куда же мне теперь с обувью? — растерянно спросил Роберт Петрович.

— Я почем знаю... Стой, церковь здесь с версту отсюда. Может, там примут.

Сторож, а это по всему видно был сторож заведения, показал, куда надо идти и закрыл дверь.

Роберт Петрович пошел. Натроение было испорчено. Снег под ногами не поскрипывал, а жалобно визжал. Попадались заледенелые «лошадиные яблоки». Через полчаса он вошел за ограду небольшой каменной церкви с синим крашеным куполом и невысокой колокольней. Постучал в дом, расположенный рядом с храмом и стал ждать.

Дверь вскоре открылась, и на пороге появилась женщина неопределенного возраста, в черном одеянии и вся какая-то как бы искореженная, согбенная, опиравшаяся на палку.

— Вам что надобно?

— Видите ли, я привез обувь для деревенских детей,— сказал ординатор,— бесплатно,— поспешил добавить. Может, возьмете и раздадите, кому нужно.

— Спаси Господь, милый человек, не могу,— сказала женщина в черном, видимо монашка.

— Позовите батюшку,— сказал доктор строго. Повторный отказ рассердил его.

— Не могу,— был ответ.

— Почему?! — воскликнул доктор.

— Выпимши он. Отдыхает.

Видя недоумение на лице пришельца, монашка добавила: «Венчал он сегодня. А потом на свадьбе посидел. Теперь отдыхает».

— А без батюшки не можете принять? — не теряя надежды избывиться от обуви, спросил доктор.

— Не могу. Надо благословение от батюшки получить. А так, не могу. Будить не стану.

Расстроенный и усталый ехал молодой ординатор домой. В электричке было холодно. Голодный, он под конец пути замерз.

Придя домой до прихода жены с работы, забросил рюкзак с обувью на антресоль, повалился на кровать и уснул.

Яков Шафран
Андрей Каретников
(г. Тула)

ДВЕ СУДЬБЫ

Сосед мой в деревне, Николай, был дальнотойщиком. Попал он как-то на Симферопольском шоссе в аварию. Да так, что места живого не было — все, что можно, переломал. С тех пор, как делать стало нечего, а на инвалидную пенсию не прожить, Николай купил домик в деревне Большая Стрекаловка, переехал сюда с женой и завел небольшое хозяйство. Чистый воздух, свежие продукты, спокойствие, красота кругом и до города на легковушке, если что, недалеко. Что еще нужно людям на старости лет?

А места тут хороши — слов нет! Один огромный, на четыре гектара, яблоневый сад чего стоит! Как зацветет, на всю округу запах стоит — благодать! Спросил я как-то Николая, откуда такой сад в этих местах и давно ли? Оказалось, он — старый, еще барский. Жил тут в древнем родовом имении мелкопоместный дворянин Иван Дмитриевич Стрекалов. Старожилы в деревне говорили, то ли деревню назвали по фамилии помещика, то ли сама фамилия происходила от ее названия. Да и кто сейчас разберет? А еще бытует мнение, что Стрекаловка называется так оттого, что крапивы много растет окрест, а это — признак хорошей земли. Она и вправду очень плодородная. И сад хорошо плодоносящий — тому подтверждение. Вот только беда, никто теперь им не занимается, потому бесхозный он и дичать уже стал.

Как-то разговорились мы с Николаем, сидя в старой беседке у входа в сад, и он поведал мне историю этого самого сада и его владельца. Раньше, давным-давно был тут рядом большой деревянный барский дом. Жили в нем Иван Дмитриевич с супругой и двое их сыновей-подростков. И были у барина две привязанности и одна страсть. Привязанности заключались в семье и яблоневом саде. Садам он занимался сам, пропадая в нем почти весь день, отдав все остальное хозяйство на усмотрение управляющего. Устав же, спешил домой, где ждала радость его, Марфа Петровна, крупная, полная женщина с улыбающимся добрым лицом. Поставь с ней рядом маленького щуплого Стрекалова, любой скажет — не пара. Но любовь у них была — не разлей вода.

Страстью же нашего помещика, не поверите, была торговля, торговля яблоками. Собирал он с ухоженного сада огромный урожай яблок разных сортов. Мужики упаковывали фрукты в ящики, прокладывая слоями соломки, и везли обозом под приглядом Ивана Дмитриевича в Санкт-Петербург. А оттуда он, отпустив мужиков домой, и, наняв местных ямщиков — карелов или поморов, с грузом отправлялся напрямик в Мурманск или Архангельск. Там Иван Дмитриевич успешно торговал, но не все яблоки продавал — часть обменивал на копченную и вяленую рыбу.

Завершив дела на севере, Стрекалов вез рыбу в Москву и Санкт-Петербург, где как раз по окончании Рождественского поста и весь февраль месяц продавал ее. А в марте, по окончании всех торговых операций, возвращался к любимой женушке своей, к сыновьям и яблоневому саду.

Так много лет длилась размеренная счастливая жизнь помещика Ивана Дмитриевича Стрекалова. Даже несмотря на войну, он по-прежнему успешно торговал...

И вот однажды случилась беда. Грянул февраль семнадцатого. Зашатались все основы привычной жизни, сместились понятия. Большое беспокойство пришло и в дом Стрекаловых. Жизнь хоть и брала свое — приближалась весна, а с нею и привычные заботы и работы в саду, однако мысль Ивана Дмитриевича была уже не только об урожае. И когда он повез в очередной раз ящики с яблоками на север, с ним была и приличная сумма денег. Предчувствие не подвело помещика. Не прошло и нескольких дней после приезда в Мурманск, как он услышал, что в Петрограде произошла революция.

«Что делать? — думал Иван Дмитриевич. — Вернуться? Не сейчас, так позже сожгут имение. Не сейчас убьют его с семьей, так погода... Семья, семья!.. Нужно их вывозить! Но прежде нужно устроиться там, не ехать же с деньгами через всю vzdыбленную страну с риском потерять не только их, но и жизнь».

С первым же пароходом Стрекалов отправился в Канаду. Там на западе Канады, под Ванкувером, он купил небольшой домик с участком земли. Мысли о семье не давали покоя, образы жены и сыновей все время были перед глазами. И он, не выдержав, вернулся инкогнито с чужим паспортом в Россию. Переодевшись в рабочую блузу и кирзовые сапоги, Стрекалов с большим трудом через всю страну, охваченную гражданской войной, добрался до имения. И, захватив жену (сыновья, так и не успевшие жениться, были на фронте, причем один у красных, а второй у Деникина), с отступающими частями белых с болью в сердце ушел за кордон... Сыновья же их, как потом выяснилось, погибли. Так и прожили Стрекаловы в Канаде вдвоем всю оставшуюся жизнь.

— Вот такая история, произошла в сей местности, — сказал Николай.

— А откуда ты узнал, как они прожили жизнь? — спросил я.

— Так приезжали они в 56-м, когда фестиваль был. Им разрешили на родину захватить на один день. Мне тогда семь лет было, я мало что помню. Запечатлелось только, как вся деревня сбежалась. А рассказали все позже родители. Говорили, что плакали Стрекаловы. Да, что делать, поплакали и уехали...

— А я, Николай, знаю историю про другого садовода. Ведь я с Орловщины, а там у нас сады-ы!.. Так вот, дедушка с бабушкой рассказывали...

Я уселся за столом беседки поудобнее и, поскольку Николай не возражал, начал свой рассказ. Был в селе Родимцево, откуда мы родом, молодой барин, Павел Арсеньев. Тоже очень любил сад и выучился на ученого-садовода, да не пришлось заняться тогда любимым делом. В семнадцатом году ему как раз двадцать четыре стукнуло, и, когда началась гражданская война, пошел он в Красную Армию. Дали Павлу по учености его сразу небольшую командную должность. После войны вернулся он в село. Отца уже не было в живых — умер от тифа. Мать же с родственниками уехала, а куда — никто не знал. Имение Арсеньевых стало сельским клубом. Он поселился в свободном крестьянском доме, а через год женился на девушке-крестьянке, светловолосой и голубоглазой красавице Насте. Немного передохнув, Павел с ведома властей стал заниматься своим любимым садом. Пропадал там днями и ночами. Мужики не возражали, любили своего бывшего барина и героя гражданской войны и в чем могли, помогали ему. А урожай он делил так — часть оставлял в хозяйстве и продавал на базаре, с чего в городе и приобреталось все необходимое; часть отдавал сельсовету, а часть раздавал мужикам. Все были довольны, и сад стал красавцем, расцвел необыкновенно...

А когда случилась коллективизация, не желая расставаться с садом, Арсеньев вступил в колхоз. Так и проработал он всю жизнь садоводом, бригадиром садоводческой бригады и пестовал каждое деревце, каждый саженец, каждое яблоко.

В тридцать восьмом Павла забрали на черном воронке в область. Но сельчане всем селом поехали в город с письмом в его защиту. И, подержав немного, его из органов отпустили.

Когда грянула война, Павел пошел на фронт и воевал вплоть до ранения в плечо. Но, слава Богу, рука осталась цела, и, демобилизовавшись, он продолжил работать в колхозном саду.

В начале шестидесятых хотели вырубить сад, а землю ту затопить, поставив на реке плотину. Пруд хотели сделать, чтобы рыбу разводить — продуктов тогда в стране не хватало. Но не дал Павел Иванович, горой встал, людей поднял, до обкома дошли и там добились своего — пруд порешили сделать в другом месте, а сад вековой оставили на радость всему селу. Ведь любовь и вера горы свернуть могут.

Дожил Павел Иванович в своем Родимцево до глубокой старости...

— Вот такие два садовода и какие разные судьбы! — завершил я свой рассказ. — Один вырастил сад на новом и спокойном месте, а другой остался со своим садом, несмотря ни на что. Вот и говорится: «Где родился, там и содился!»

— Да, деревьям-то, наверное, все равно, кто за ними ухаживать будет, лишь бы ухаживали. А вот сердцу не прикажешь: люби — не люби. Потому и счастлив тот, кто живет в согласии со своим сердцем.

ДЕТСТВО

(глава из нового романа «Круг замкнулся»)

Разве может быть, читатель, человек без места, где он живет, или место без людей, его населяющих? Опровергая узкую пословицу, которая имеет отношение к месту должностному, карьерному, скажем, что место жительства со всей его историей жизнетворений — от самых малых до величайших по духу и результатам — накладывает свои характерные черты на человека, красит его. И человек богатством своей души, мыслями и делами созидает душу того края, где он живет, работает, творит — красит свое место...

С высоты шестнадцатого этажа родной город был, как на ладони. Андрей Курилов, мужчина лет сорока, крупный, широкоплечий, с густыми темно каштановыми волосами, с приятелем, Игорем Переверзевым, высоким, худощавым и светловолосым мужчиной тех же лет, стояли на площадке плоской крыши у турникета и любовались городскими пейзажами. Заходящее солнце своими лучами придавало им совершенно особые тона и полутона и наполняло неким необъяснимым содержанием, свойственным только закатной поре.

Курилов, руководитель небольшой, только организующейся фирмы, любил общаться со своими друзьями. Вот и сегодня, встретив Игоря на улице, он предложил ему по старой памяти подняться на крышу высотки, в которой тот жил, и пообщаться. Андрей прожил в Т. почти всю жизнь и любил ее, зеленую, со старинными храмами и улицами с деревянными и каменными домами, помнящими многих знаменитостей и интересные события, любил ее новые улицы и проспекты с современными многоэтажными домами.

Вот там, вдали виднеется и его родная улица, где он мальчишкой со сверстниками гонял на велосипеде, играл в «русских и немцев» и во все живые натуральные подвижные игры, которые теперешнему поколению детей заменили виртуальные обманы.

Набегавшись, он возвращался к себе — в крепкий еще одноэтажный деревянный дом — и с упоением принимался за книги. А читать он любил. Первыми из прочитанных были «Робинзон Крузо», «Том Сойер», «Гекельберри Финн», произведения Фенимора Купера, книги Волкова — «Волшебник изумрудного города» и «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Андрей не просто читал, он впитывал черты ха-

ракторов, которые ему нравились, все эти необыкновенные ситуации, где требовались находчивость, воля к преодолению и другие качества победителя.

Недалеко от их дома было кафе, где мать работала буфетчицей. А рядом, в здании бывшего храма Сергия Радонежского располагался в то время склад. И сторож дядя Василий, всегда пьяный, частенько заходивший в кафе «добавить», приносил Андрюхе почитать старинные книги с «ъ», валявшиеся вместе со всяким ненужным хламом в пыльных углах этого склада. Книги эти обладали необыкновенной притягательностью, благодаря и необычному внешнему виду, и старому шрифту, и пожелтевшим страницам, и даже запаху бумажной ветхости, усиливающему впечатление их старинности. Некоторые из них Андрей относил в букинистический магазин, а остальные оставлял у себя. Среди них было много сборников поэзии. Может быть, от этого пошла тяга Андрея к поэзии и стихотворчеству...

— Хороший вечер! — сказал Игорь.

— Да. А виды какие тут у тебя! — согласился Курилов, гася сигарету в баночке из-под консервов, стоящую на бетонном полу у парапета.— Жаль только, редко могу у тебя бывать.

— Приходи чаще! Ты же знаешь, я всегда рад тебя видеть...

— Где времени свободного столько взять? — улыбнулся Андрей.

Они немного помолчали.

— Вот смотри туда... — Курилов показал Игорю вдаль.— Видишь храм с большим золотым куполом? Так... А правее за улицей и железной дорогой виднеется среди деревьев белым пятнышком здание. Это — школа, в которой я учился...

И вспомнились ему школьные годы... И самый интересный период — с восьмого по десятый класс. Был у них тогда учитель химии, Степан Григорьевич. Он частенько устраивал практические занятия на природе. Собирались в саду у лодочной станции — у «сковородки», как ее называли. Степан Григорьевич кормил ребят блинами, приготовленными на костре, и устраивал для них опыты по своему предмету. Все было настолько интересно и увлекательно, что усваивалось на всю жизнь. После они катались на лодках и возвращались домой и сытые, и отдохнувшие, и полные знаний.

А учитель физкультуры Павел Петрович, герой-краснодонец, с большим, наколотым на груди двуглавым орлом, иногда после школьных занятий уводил желающих в двадцатикилометровый поход в Долматовку. Там был яблоневый сад. В феврале и марте они шли туда на лыжах и после отдыха обрезали деревья. Когда же сходил снег, и земля подсыхала, совершали пешие походы, чтобы ухаживать за садом и делать необходимые сезонные работы. Потом они разводили костер, готовили на нем еду, пели песни и оставались на ночевку в палатках. Став взрослыми, ребята были благодарны учителю, за то, что он не только заложил в душу любовь к физкультуре, но и научил любить землю, ухаживать за ней...

— На могилку матери надо бы съездить... — произнес Андрей.

— Давай вместе, мне тоже своих нужно проведать,— подхватил Игорь.

— В воскресенье и съездим!..

— В воскресенье я собираюсь в Коломну, давно обещал проведать родных...

— Слушай, так у меня там партнеры есть!

— Вот давай вместе и съездим!

— Смотри, что мы можем сделать. С утра в воскресенье — на кладбище, а потом — в Коломну. Часа в три, в четыре будем там. Как ты?

— Заметано! Утром в воскресенье заеду за тобой...

Мама, мама... Она умерла, когда ему было четырнадцать лет. «Скорую» ждали два с половиной часа. Он каждые десять минут бегал встречать ее на улицу. Бригада приехала, когда мама была уже мертва. У нее случился инсульт. И достаточно было только одного укола, чтобы спасти.

Отец недолго прожил с детьми — нашел другую женщину и ушел. Андрей с братом Валерием жили одни — и не в благоустроенной квартире, а в частном доме. Родственники помогали, конечно, по мере возможности и деньгами и продуктами. Но ребята все же жили в нужде.

Рядом со школой был стадион, и когда над ним вился черный дым, они знали — жгут списанный инвентарь, и бежали таскать из огня клюшки, коньки и мячи. Предоставленные сами себе вместе с приятелями днями напролет слушали музыку, выпивали, играли в карты под деньги, хулиганили в Комсомольском парке и воровали для своих девчонок цветы из теплиц... Дохулиганились до того, что одного парнишку избили до полусмерти. Брата, как основного организатора драки, посадили. Остальные отделались более легким наказанием. Это немного поубавило их пыл, да и повзрослели чуть...

— Ну, пошли вниз, а то что-то ты сегодня все молчишь и о чем-то думаешь, — сказал Игорь, внимательно глядя на Андрея.

— Ударился в воспоминания, что-то вспомнилось детство...

Солнце уже почти спряталось за горизонт, сумерки стали надвигаться на город, и посвежело. Друзья спустились через чердачную лестницу и сели в лифт.

ЛИХОЕ ВРЕМЯ

(глава из нового романа «Круг замкнулся»)

Много хороших моментов было, есть и будет, читатель, в жизни — на то она и жизнь, творящая все новое и новое. Иногда поражающая своими, казалось бы, парадоксами, но неустанно все расставляющая по своим местам. Вот уже парадоксы и не парадоксы вовсе, а закономерности, вот уже взлетевшие ранее в гордыне сидят понурые в тоске и печали, а те, кто тосковал в кажущейся темной безысходности, глядишь, расцвели цветами радости и света. Такова жизнь, все в ней течет и меняется, иногда и кардинально, так, что порой и с ног сшибить норовит. Ибо она не сама по себе, не набор случайностей, выпадающих и чередующихся в произвольной форме.

Вот и наш герой, Курилов, понимал, что правит жизнью Истина — живая и вечная, великая и мудрая. Имя ей он определил общепринятым словом — Бог, хотя, еще не совсем хорошо понимая ни содержания, ни значения этого определения.

Но одно он понимал четко — все в жизни может меняться, и границы городов, и их внешний облик, и технический уровень цивилизации, и формы общественной организации, и личные обстоятельства, но Истина — во всех ее жизненных проявлениях — должна быть неизменна. Не должно быть так, что сегодня в слове четыре буквы, а завтра шесть. Не должно быть так, что сегодня учат одному, а завтра другому. Как получилось с поколением Андрея в начале девяностых, когда молодые люди вышли во взрослую жизнь и увидели, что она совсем не та, какой их учили. Человек человеку оказался не другом и братом, а хуже волка. Более того, наступил такой беспредел в экономике, социальной сфере да даже во взаимоотношениях между людьми, что поверить было трудно в реальность происходящего...

Вот и приходилось в те годы, когда все менялось буквально ежечасно, жить в основном сегодняшним днем, буквально сражаясь за существование. И как долго продлится эта неразбериха, никто толком не знал. Оставалось только верить, верить и надеяться, что Истина восторжествует, и разумное начало жизни возьмет верх над неразумным, разрушающим все и вся хаосом тогдашнего бытия.

Курилову и его друзьям очень хотелось, что-то улучшить, что-то сделать для этого. Андрей хорошо помнил, какое тогда у них было сильное стремление приветствовать все, как им казалось, хорошее и позитивное, что могло бы устранить неразбери-

ху и ввести жизнь в нормальное русло, русло нормальных отношений, в том числе и экономических. Помнил, какое тогда у них было сильное стремление участвовать во всем этом.

В начале девяностых они слушали Ельцина на съезде предпринимателей в Кремле. Верилось всему, что он говорил, и казалось, что все впереди будет более правильным и справедливым, чем было. И в дальнейшем звучало много слов, много речей и заявлений. Но... И совершенно не было настоящего обучения, например, кооперативному движению или новым финансовым и экономическим отношениям...

Начало девяностых годов — было лихим временем. Те, кто так стремился к свободе, получили ее. Правда, воспользоваться свободой в полной мере смогли далеко не все. В котле финансовых коллизий того времени сгорели сбережения многих людей. И обиднее всего, что произошло это в основном с теми, кто копил свои трудовые деньги всю жизнь, а теперь уже не имел сил, чтобы заработать вновь.

Но неправильно будет сказать, что не было в те годы и ощущения некоего творческого начала с примесью романтизма. Люди строили планы, заключали договоры о сотрудничестве, мечтали. Одним из таких проявлений романтизма в экономике был процветавший в те времена вынужденный бартер, а проще говоря, товарный обмен по формуле: товар — товар — товар...

Однажды Курилову понадобился лес, в частности доски разных размеров. Предложений было множество, но не устраивала стоимость. Долго искали предприятие и, наконец, нашли на севере. Предложенные расценки были весьма приемлемы. Стали вести переговоры, производить калькуляцию по всем позициям с целью определить общую сумму закупки. Но, когда попросили выставить счет для оплаты, то в ответ услышали — «Ничего вы здесь у нас купить не сможете!..» На вопрос — «Почему?» — сказали, что у них там, в северных краях, вообще ничего нет, а потому и деньги им не нужны. «Скажите, что же вам нужно?» — спросил Курилов. «Если есть возможность, то привозите любые продукты...» — ответили на другом конце провода. Продукты достали, и сделка состоялась.

Так и жили в первобытных экономических отношениях несколько лет... И постоянно задавали себе вопросы — отчего все так произошло, зачем все это обрушилось на наши головы и как выйти из этого состояния?

Впрочем, подобные вопросы задавали на Руси всегда...

Виктор Щеглов
(г. Тула)

СНЫ АЛЬМОША

Журналист. Работал в многотиражных газетах в настоящее время в филиале ВГТРК ГТРК «Тула». Участник многих международных, Всероссийских, межрегиональных и областных конкурсах журналистского мастерства. В 2011 году был удостоен высшей награды — Гран При на межрегиональном фестивале теле и радио программ «Щит России» в Перми. Автор книги об истории ОАО «Тулаточмаш». Книга «Коалиция культур: миф или реальность», написанная в соавторстве с О. Будрик, находится в библиотеке Президента РФ Дмитрия Медведева.

Ветеран труда, награжден знаком «Почетный радист России», академик Международной педагогической академии.

Встрепенулась, встревожилась вещая Турул, взмахнула тяжелыми черными крыльями, с острыми, похожими на кинжалы перьями. Заслонила солнце и свет померк в тени ее отражения. Зловещим эхом прокатился по окрестностям тревожный крик птицы, призывающий толи к отмщению за нанесенную болгарским царем Симеоном обиду народу угорскому, толи предвещающую скорую невосполнимую утрату.

— Слышите, она вновь поет, вновь,— произнес превозмогая боль, приподнимаясь с устланного шкурами и мехами ложа, старый Альмош. Он медленно оглядел столпившихся у его смертного одра многочисленных родичей, друзей, соратников, соседей.

— Вы понимаете о чем она возвещает? Думаете пророчит погибель кому либо из нас,— усмехнулся вождь.— Не будет Турул, первопредок, от которой пошел род наш, беспокоиться ради жизни или смерти одного, пусть даже и знатного человека. Уверен, и чутье не изменяет мне, она трубит о будущем маджаров и всех, кто вышел с нами из мест дальних, разделил опасности многотрудного пути и жаждет когда обретет в новой, благословенной, благодатной земле новую родину. Много мы вытерпели и перенесли и награда, чувствую, ждет нас за все, что было и что еще будет...

Вожди и старейшины угорских племен, примкнувшие к ним хазары и славяне, на землях которых они обосновались более двух десятков лет назад, готовясь к новому походу, внимательно следили за своим главным лидером. Были здесь и его дети и прежде всего верный Арпад.

— Нет, не ему, отжившему свои годы Альмошу,— думает вождь, любясь сыном,— придется выполнить древний завет предков — найти для маджар новую родину. Он много для этого сделал, а вот Арпад закончит начатое. Разве не стоило жить хотя бы только ради этого?

Никто из присутствующих не слышал зловещего крика Турул-птицы, однако ни у кого не было основания не верить вождю. Альмош знал, чего не знали другие, мог предугадать то, о чем его сподвижники и не помышляли. Родившись чудесным образом, он всегда и во всем выделялся среди других детей: не по возрасту высокий,

сильный, смысленный, находчивый и смелый, он невольно становился организатором и вожаком всех мальчишеских игр, забав. Самый быстрый в беге, самый меткий в стрельбе из лука, его копьё летело дальше, чем копьё его сверстников и чаще поражало цель. Уже в эти годы он отличался, как говорили и Элод и его друг Лебеdias, какой-то непонятной для таких лет мудростью и прозорливостью.

...Старый Альмош вспоминает, улыбается и закрывает глаза. Сладкая дрема набрасывает на него свое легкое розовое покрывало. Он погружается в сон так, часто посещавший его в раннем детстве, еще там, на прародине, в бескрайней Биармии. В который раз маленький мальчик видит незнакомый, удивительной красоты, женский образ...

— ...Проснись, проснись,— трясет его отец,— ты весь словно бы сияешь, твои губы что-то шепчут во сне, ты улыбаешься и даже руки медленно поднимаешь вверх, словно приветствуешь кого-то невидимого...

— Нет папа, я ее вижу. Она приближается ко мне, и походка ее величественная, плавная, легкая, как будто даже и не идет, а плывет на белоснежном, пушистом облаке...— счастливо улыбаясь, сквозь сон нежно, каким-то изменившимся голосом, произносит мальчик.

— Что с тобой, просыпайся же,— беспокоится отец, повышая голос.

— Неужели это привиделось, но какой сон, и как часто он меня посещает, и всегда я вижу эту женщину,— думает Альмош,— у нее неземная красота, царственный, величественный вид и в то же время выражение кротости, смирения, большие задумчивые глаза, в которых кроется вся скорбь и радость мира, и в то же время они излучают надежду. Над головой и вокруг нее струится золотистый, согревающий душу свет и вся она источает небывалой силы материнскую любовь и нежность, самопожертвование во имя детей своих... Она идет к тебе, а тебе хочется бежать к ней и припасть к ее коленям, прося заступничества и покровительства...

— Может это твоя мать — прекрасная Эмис, которую ты ни разу не видел? — прервал мальчика отец, но юный Альмош, словно не слыша Элода восторженно продолжал:

— Я не испытал любви материнской, но у нас в племени маджаров и у соседей наших я видел много женщин-матерей — красивых, добрых, заботливых. Она же вобрала в себя все их лучшие качества и развила до небывалого, необъяснимого совершенства, до небесной высоты. Она сама растворяется в красоте, доброте и любви, и все и вся вокруг нее становятся красивыми, добрыми, любящими и любимыми. Она зовет к себе не только меня, так как часто является в сновидениях, но и всех из племени нашего, из других племен неведомых мне и даже готова принять с радостью врагов наших...

— Врагов? — переспросил Элод.

— Да, врагов, и тогда, под ее покровом, ты представляешь, папа, если мы пойдем за ней, не будет вражды между племенами, злобы и войн, не будет даже обид, оскорблений и зависти...

— Как это? — недоумевал Элод.

— Да ведь все мы будем жить в согласии, как братья, и любовь эта, я предчувствую, будет даже сильнее братской. Только, представляется мне, не все и не скоро еще откликнутся на ее зов, да и те, кто услышат и пойдут за ней, не сразу смогут понять ее, проникнуться смыслом и глубиной ее слов, а уж тем более исполнять в точности и в полноте своей все то, к чему она нас призывает.

Элод с испугом и с восхищением смотрел в эти минуты на Альмоша. Он видел, как после каждого такого сновидения, в котором ему являлась чудесная дивная женщина, мальчик преображался, его лицо сияло, и в нем открывалось необъяснимые для такого возраста мудрость и красноречие. В обычной жизни, играя со сверстниками, его сын

никогда так не говорил. Но, то что он рассказывал несомненно нравилось старому вождю маджаров, но ему, Элоду, ничего подобного ни разу не превиделось.

— ...Великий Нуми-Торум,— хозяин верхнего моря и ты, бог земли Калташ-Экве — повелитель мира среднего, вещая птица Турул, и вы все, большие и малые боги воды, воздуха, охоты, леса, добрые духи деревьев, животных, дома и двора, древние наши покровители и оградители в дорогах трудных и дальних,— шептал, наклоняясь над заснувшим Альмошем талтош Габор, убеленный сединой главный шаман племени маджар. Он был еще при отце Альмоша Элоде и во всем помогал ему. В племени каждый слепо верил, что только мудрый талтош, знавший со всеми жрецами, шаманами, колдунами, ворожеями, знахарями и чародеями соседних племен и народов, он один знает дорогу к священному мировому орлиному дереву, достигающему неба. Это дерево без вершины — есть ось и основа мироздания. Она соединяет земной мир с небом, которое поддерживает его вершина и с подземным миром, куда оно уходит корнями. Из подножия орлиного древа бьет неистощимый, благодатный источник жизни, а обильные и живительные плоды, смола и соки питают все сущее на земле. Но нельзя подойти к дереву — путь знает только старый Габор и никогда, ценою жизни своей, никому не откроет дорогу. И лишь в самом крайнем случае, когда всему народу, реально угрожает смертельная опасность, может он с непрестанными молитвами благодарения придти к святыне и припасть к подножию, не осмеливаясь взглянуть вверх. Но даже если бы и дерзнул талтош тайком бросить взгляд ввысь, он все равно не узрел бы дом солнца на верхней из семи ветвей, а чуть ниже и дом луны. Иногда, только жилище Сел-ани — матери ветров, ему может повезти увидеть, и то, когда от какого либо возмущения придут в движение все семь ветвей и ветер приоткроет место обитания своей владычицы. Плоды дерева, питающие все живое, разносятся феями. А охраняет все это — огромный, навещающий ужас бессмертный орел.

За все свои долгие годы шаман ни разу не пытался пойти к дереву и не знал от своих предков подобной истории. И никто его не просил об этом, даже когда жизнь угорских племен висела на волоске из-за угрозы истребления печенегам. Просить, значит не поверить в свои силы, признать себя полностью побежденными, разбитыми, неспособными к выживанию. Да и будут ли помогать гордые боги таким ничемным людям? Не отдадут ли они несчастных злему Куль-Отыру, который охотно примет всех их в подземном нижнем мире? Нет,— твердо уяснил для себя Габор,— к дереву он не пойдет, а вот просить у него на расстоянии, без дерзновенного похода-вызова, он будет и делал это не раз. И, как правило, всегда помогало. К тому же словесные обращения к божествам и духам он еще подкреплял щедрыми дарами и жертвами, а тех, за кого просил потчевал различными отварами, настоями из трав, смол, коры деревьев и других растительных и животных компонентов, которые, как и дорогу к дереву, знал только он один.

И вот сегодня, придя к страдающему от жестокой раны, Альмошу, он принес самое сильное снадобье, в которое вошло все, что он мог предложить и что только испробовал в многолетней практике.

Габор тихо наклонился над спящим вождем. Достал из кожаной сумочки, находившейся всегда при нем, маленький мешочек, медленно развязал, осторожно высыпал на желтую, иссохшую ладонь такой же желтый высохший порошок, изготовленный из коры и листьев, специально обработанный, смоченный в семи настоях и вновь высушенный. Он размял пальцем порошок на ладони, поплевал на него и образовавшейся вязкой массой, издававшей довольно неприятный запах, потер лоб, виски и губы больного. Никто не мог перечить знахарю, так велик и непререкаем был в племени его авторитет и власть, не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем у самого Альмоша.

— Жидкая огненная масса спасет тебя,— мрачно произнес талтош.— Как великий

Нуми Торум, прогневавшись на дерзость непокорных отыров, надеявшихся на свою непомерную силу, уничтожил их огнем достигшим неба, а потом, чувствуя усталость от битвы, искупался в кипящих водах и сразу помолодел, став отцом семи сыновей, так и тебя спасет мое снадобие, вызывающие такой же красный жар и жжение...

— О Нуми Торум — податель дневного света и семь сыновей твоих, управляющих делами людей на земле,— продолжал Габор,— остановите злых и хищных духов куль и лидерц, которые хотят забрать, вырвать лили — дыхание первейшего из нас и украсть, запереть ис — его душу, чтобы она не возвратилась больше к нему. Я вижу безобразная Босорконь, чудовищный Василиск, ужасный Шаркань —дракон со змеевидным телом и крыльями, многочисленные ведьмы, колдуньи, сташные волосатые менквы-великаны и лесные уччи с гоготом, визгом и ржанием тянутся к телу, намереваясь пожрать его. Вот и сам владыка нижнего, подземного мира, властитель злых сил Куль-Отыр, простер над вожаком свою леденящую все вокруг руку. Она дрожит и уже готова схватить ис и унести в свое царство...

Свет факелов, которые держали несколько человек из ближней свиты вождя, довольно слабо освещал, срубленную по типу киевских славян, просторную избу. Лицо укутанного в шкуры Альмоша было трудно разглядеть в полумраке, зато выделялся эксцентричный, наводящий ужас, облик, впавшего в транс и выкрикивающего очередные видения талтоша. Неплохо знавший поверья и богов соседних племен, он уже называл и их злых духов, которые якобы пришли, чтобы унести с собой дорогую жертву.

— Вот вижу спешат не упустить добычу творцы зла, свирепые Керемет и Луду, а с ними полчища кровожадных и хитрых шайтанов, а вот дух смерти Азырен... О великий Нуми Торум, пошли быстрю Сел-ань, чтобы она, собрав все ветры, которые у нее в подчинении, разметала этот нескончаемый рой жаждущих погибели вождя нашего...

Увлечшись заклинаниями и призывами, погружаясь во все нарастающий ритм магических и ритуальных действий, талтош не заметил, как Альмош слегка приоткрыл один глаз, затем другой. Толи обжигающее зелье подействовало, толи его разбудил долгий и монотонный речетатив с обращениями ко всем богам и духам, которых только знал и помнил старый шаман. Вождь понял, что видел радостный сон, видел свое племя, многих близких людей, которых теперь уже нет. Он, конечно, узнал себя, молодого, которому только что доверили бразды правления. Короткий сон, сладкое забытие, а сколько всего было пройдено, прожито. Как жаль, что вытащили из такого сна.

Талтош по-прежнему взывал к злым духам, заклиная их отступить. В отсвете факелов его тощее, смуглое лицо, с выпученными от напряжения, глазами, казалось зловещим и наводило ужас.

— Сколько злых богов и духов витают вокруг,— подумал Альмош, вслушиваясь, как Габор выкликает новые имена, которые, даже он, вождь, самый старший из маджар, слышит впервые. Талтош много знает, у разных народов бывал, изучил немало обычаев и часто рассказывал ему вечерами у горящего костра о вере предков и людей, с которыми они не только вели дружбу и торговлю, но и враждовали.

— Почему добрых богов бывает мало,— размышлял вождь,— да, они владыки, они хозяева верхнего мира, да, им подчинены многие стихии и духи, они, в конце концов, побеждают зло — только в силах ли даже немногочисленному сонму великих богов удерживать спокойствие, радость и счастье народов, им поклоняющимся? Черной, губительной тучей заслонили светлое небо от людей чудища ночи, болезней, различных неудач, бед, несчастий, безвременных утрат, всепожирающей ненависти и злобы, зависти и наконец... высокая, худая и холодная, безобразная, в белых тяжелых одеждах с многоядными зубами смерти Белая баба... Никто, даже сам всезнающий жрец, не избежит ее ядовитого укуса и леденящих душу, увлекающих в могилу объятий.

— Все тщетно в этом мире,— ужасаясь думал умирающий. Он и прежде приходил к такой мысли, но размышлять было некогда — набегающие, накатывающиеся

как снежный ком, дела, заботы, хлопоты гнали прочь праздные и ненужные думы. Да и поделиться было не с кем, в племени мало бы кто понял его, разве что один Габор, но тот однозначно бы не поддержал его предположения, пугая гневом могучего Нуми Торума. Сейчас он, как и подобает больному лидеру, лежал на высоком помосте, превращенном в большое ложе, окруженный толпой самых близких соплеменников, которые сочувствуют ему и пришли, по всей видимости, проститься. Они ничем не могут помочь, даже если бы очень хотели. Род человеческий слаб, и силы зла пока торжествуют. Уходят все, даже самые великие и любимые. Так ушел и его отец Элод, сделавший много хорошего для своих людей. Но как несправедливо бывает. Если на верхнем, среднем и нижнем небесах или на всех семи ветвях мирового дерева добро и зло в вечном борении, и торжествуют все же светлые силы, то здесь, на земле далеко не так: не всегда добро в чести, не оценено по заслугам, как должно, а подлость, трусость, предательство, корысть, жадность, скупость порою берут верх. Сильные, храбрые, защищающие народ свой в муках умирают от ран, а струсившие, сбежавшие, переметнувшиеся к врагу или в племя соседнее, остаются жить и даже поклоняются другим богам, не получая при этом, заслуженного возмездия.

Альмош закрыл глаза, припоминая многочисленные случаи, когда именно так и было.

— Почему люди худые, злоязычные, ущербные, не творящие молитвы, не приносящие жертвы и даже не посещающие священные капища живут, порою, дольше и благополучнее, не терзаемые болезнями и напастьями, чем достойные, почитающие богов и дедовские обычаи и заповеди? Почему именно к таким достойным людям чаще всего вслед за радостью и счастьем спешат горе и беда, словно в наказание за их примерную жизнь? Разве не счастливо жили его родители — отважный Элод и прекрасная, молодая Эмис? Элод был уже стар, иссечен в стычках с кочевыми племенами, защищая свой род, и когда Эмис, не имевшая дотолы детей, вдруг затяжелела, прошел слух, что женщина увидела во сне священную птицу Турул, которая осеменила ее и предсказала, что от Эмис и, рожденного ею ребенка, произойдет много славных и великих королей.

...Счастье опустилось на дом Элода. Сколько дней плясали и веселились все мужчины и женщины, девушки и юноши, старики и старухи... Сама Эмис, радостная и лучезарная не отрицала необычного ночного видения и предсказания. Сколько жертв принес восторженный отец, чтобы ублажить, умиловить, задобрить злых духов, поджидающих рожениц. Специально, по совету заезжего ворожбита, послал дары в землю обдорскую, при устье реки Обиго, в храм Золотой Бабы, с просьбой, чтобы его любимая молодуха успешно разрешилась от бремени.

...Веселилось все племя, предвкушая появление новой жизни и связывая с долгожданным первенцем славного Элода светлые надежды. Но мгновенно шумный пир превратился в погребальную тризну, а радостные песни — в похоронный плач. Умерла прекрасная Эмис во время тяжелых родов. Повитухи и бабки повивальные тоже голосили, рассказывая, что мальчик родился красивым, но на редкость крупным и тяжелым.

— Не было у нас еще такого дитя, видать и взаправду покойница чудесным образом, во сне зачала его от священной птицы,— причитали они и объясняли смерть Эмис исключительно крупными размерами младенца.— Не выдержала бедняжка, померла.

— За что? — не мог понять Элод, не отходя от почившей жены. — Разве я чем-то прогневал богов и духов хранителей, разве не давал им щедро от каждого удачного похода, от каждого урожая и приплода скота, разве не обустроивал капища и требища, где селился народ мой?.. За что, за что покарала меня боги и духи племени? — вопрошал Элод и искал ответ у жрецов. Неодобрительно отзывались они, видя как

мучается вождь, мечется в поисках какого либо объяснения, почему отвернулись от него высшие силы.

— Не к добру все это, успокойся и будь прежним. Смерть и жизнь во власти не земного, а небесного вождя,— увещевал главный жрец, деливший с Элодом верхнюю ступеньку в иерархической лестнице. И его религиозная, мистическая, невидимая, скрытая магическими заговорами, заклинаниями, основанная на страхе и неведении, власть была могущественнее и крепче, чем открытая и грубая власть воина-лидера, покоящаяся на силе людей и оружия.

— Не искушай богов, не оскорбляй их своим подозрением, не вызывай большой гнев, сомневаясь в их поддержке и, тем более, отвергая ее,— уговаривал ворожбит.

— Смотри, пожалеешь,— переходил он к угрозам,— придет новая беда, пуше прежней, и смерть — белая страшная баба — начнет пожирать твоих людей, терзать их острыми когтями, поражать губительными стрелами, морить голодом, душить в расставленных повсюду сетях-тенетах. И не будет мира и покоя народу твоему. Разделенный в племенах и землях, станет кочевать из одного края в другой, изгоняемый врагами, покуда не обретет свою родину.

Предсказатель, вперившись взглядом куда-то, только ему видимое, далекое бесконечное пространство времени, с побелевшим, словно застывшим, лицом, воздев к небу жилистые худые руки, вошел в экстаз...

Тогда Элод не придавал особого значения словам жреца, но вскоре его пророчества стали сбываться. Может, так совпало, или действительно прогневались боги на строптивого предводителя и отвернули от него свой лик, только одно несчастье следовало за другим.

...Альмош помнил свои юные годы. Лишь в преданиях старых людей сохранились добрые воспоминания о счастливых временах, когда все семь родственных племен угорских жили в дружбе и согласии, торговали с соседними народами — булгарами и кипчаками, хантами и бургасами. Приходили по воде и суше к ним купцы хазарские, выторговывая и выменивая прочные и емкие висячие котлы для приготовления пищи в походных условиях, коричнево-красную керамическую посуду со своеобразными орнаментами, и особенно угорскую, яркую и праздничную во все дни женскую одежду с нашивками, аппликациями, симметричными изображениями птиц и различных узоров. А еще пользовались спросом у хазар роскошные женские головные уборы с околушными подвесками. И все это свозили купцы в свой город-крепость Саркел, куда наезжали по путям торговым и сами маджары, дивясь постройкам и быту людей, от которых они, как, впрочем, и от других соседних племен, немало перенимали.

Только что это — черная движущаяся тень нависла над Альмошем, поглотив даже слабый свет, распространяющийся от факелов. Прервав воспоминания, он медленно приоткрыл глаза — в очертаниях зловещей тени узнал склонившегося над ним талтоша, и тихо, еле слышно, монотонно бубнящего заклинания. Что-то холодное, тяжелое, трагическое, жертвенное, сулящее новые беды и испытания навевал и предвещал этот вкрадчивый, ползущий как змея, шепот. Вот также нашептывал шаман, тогда, в его юности, когда после смерти Элода, на их прародине в бескрайней Биармии появились хищные печенеги и узы. Надвинулись они, дотоле неведомые народы, черной тучей, несметной ордой, пожирающей все на пути своем, разрушили кочевья и селища, вытоптали копытами коней, пастбища и уголья, увели скот и людей полонили, грозясь все сжечь, истребить и уничтожить. Пылали древние капища, а мольбы и взывания жрецов сменили горестные стенания, плач и многочисленные обряды похоронные. Уже не хватало серебряных наглазников, которые клали на погребальную маску. Люди умирали от стрел, от огня, от голода и от ледянящего душу страха нового нападения.

И тогда вожди и жрецы всех семи племен угорских — маджары, йене, кер, кеси, кюри-дьярмат, ньек и тарьян, а немного позже и отделившийся от хазар огромный, многочисленный род кабаров объединились и образовали союз против общих лютых врагов печенегов и, захватив все что можно было и что осталось от страшного разорения, двинулись в долгий и, казалось, бесконечный путь, все дальше и дальше от родной Биармии, от своих пастбищ и кочевий, богатых рыбой широких рек, знакомых с детства лесов, степей и лугов, дальше от алчущих, ненавистных врагов, от внутренних распрей и раздоров, вспыхивающих внутри самих племен и обострявшихся в минуты опасности и испытаний. Двинулись навстречу неизвестности, борясь за выживание в самых экстремальных ситуациях. Альмош был еще молод, и поход возглавил старейший из всех лидеров, друг Элода, Лебедиас. Тысячи людей, преодолевая препятствия, в жару и холод, по бездорожью, через лесные массивы и сухую бескрайнюю степь, по пологим берегам рек и речушек, добывая в пути пропитание, гарцевали на лошадях, гнали уцелевшие стада и табуны, тянули повозки и арбы со скарбом и нехитрыми пожитками, останавливаясь для краткого отдыха. Иногда, чтобы пополнить продовольственные запасы, заняться охотой, рыболовством, сбором и заготовкой грибов, ягод они делали длительные стоянки, разбивая лагерь. Не забывали о рыскающих врагах, которые, видя их численное преимущество и выработанную в походе организованность и готовность в любую минуту дать достойный отпор, уже предпочитали не ввязываться в драку с кочующим народом. Печенеги убедились, что это уже не те праздные, расслабленные, ленивые и беспечные племена угорские, привыкшие к искрометным танцам, веселым песням, безмятежному отдыху да ведению нехитрого хозяйства, а закаленные в пути кочевники, ловкие наездники, выносливые воины, умевшие управляться с оружием не хуже самих печенегов. К тому же они, путешествуя, заключали союзы с теми племенами, по землям которых шли, и совместно выступали против общего врага. Хазары, воинственные русы и другие народы во главе со своими каганами, князьями, вождями и искусными воеводами сильно утеснили в последнее время печенегов, сбили с них спесь и поумерили их жадность и наглость.

Шли угорские племена, делая время от времени передышки, а после их ухода как память оставались у местного населения названия рек, дубрав, урочищ, городищ и селищ. Шли племена долгие месяцы, годы, сохраняя свои предания и обычаи, присущие им мастерство и навыки, перенимая на пути обычаи, мастерство и навыки новых друзей и даже врагов. Шли племена, объединяясь и скрепляя дружбу кровными брачными узами.

...Ранним, летним, теплым утром тревожная весть облетела идущих впереди.

— Навстречу нам мчится большой отряд вооруженный мечами, боевыми топорами, палицами. Они завидели нас, и их воинственный грозный вид не сулит ничего хорошего, — сообщили Лебедиасу. Старый, умудренный годами и опытом вождь выехал вместе с Альмошем вперед, чтобы поприветствовать неизвестных ему людей и попытаться убедить, что они идут с миром и добрыми намерениями.

— Я Олег, рода княжеского от Рюрика идущего и близкий родич его, — гордо произнес в ответ первый всадник в блестящих доспехах и островерхом шлеме. Потрясая копьем, он ловко гарцевал на темном красивом скакуне, с которым, казалось, сливался в одно целое. Конь слушался каждого, чуть заметного движения грозного седока, а тот, в свою очередь, с несвойственной воину нежностью, мощной, покрытой выделанной кожей и железными пластинами, рукой, поглаживал шею и гриву породистого быстроногого жеребца. Было видно, что Олег очень любил и ценил резвого скакуна. — Это моя дружина, и возвращаемся мы из земель народа, который платил дань хазарам, моим врагам. Я повелел им не платить хазарам, а такую же мерой отдавать дань мне. И не успели мы даже обнажить мечи и изготовиться к бою, как они с радостью согласились. И теперь мне и юному княжичу Игорю сыну Рюрика

платят сполна кривичи, меря, древляне, северяне, радимичи. А в землях их я своих людей управлять поставил. Разве что одни уличи да тиверцы противятся, но и они не устоят перед силой руссов и варягов. А вы, я погляжу, племя мне не знакомое. Уж не из хазарских ли уделов будете? — спросил Олег, внимательно глядя на лысую голову Лебедиаса, который по давним обычаям, ножом до кожи срезал все появляющиеся было волосы.

Вот тут проявилась мудрость, осторожность и хитрость старого вождя. Он сообщил, что давно наслышан о непобедимой, наводящей ужас на врагов дружине князя Олега, о его бескрайних владениях и благоразумии, снискавшей любовь покоренных племен, — чем немало польстил гордому варягу.

— Куда идете вы, зачем и кому дань платите? — немного смягчившись спросил Олег.

— Печенеги да хазары выгнали нас с родины, и вот уже не первый год кочуем в поисках, где бы остановиться и обосноваться. Прошли леса дремучие, дебри непролазные, степи засушливые, болота топкие да трясины вязкие, плоскогорья каменистые, только вот нигде места для себя не подыскали. А где и есть земли в районах и низовьях рек да в полях благодатных, так там уже имеются города и поселения, свои племена, роды и семьи, свои дружины, вожди, князья и старейшины. Мы нежеланные гости для них, да и нам, великий княже, тесно там будет. А дань прежде хазарам платили, а сейчас вот люди свободные, кочевые...

— Что ищете? — перебил старца Олег.

— Родину! — с надеждой, уверенностью и даже каким-то вызовом гордо произнес Лебедиас, смело глядя в глаза грозному князю-воителю. — Ищем землю подобную душе нашего народа — широкую, раздольную, красивую, живительную, богатую, где бы радостно зазвучали наши песни и задорные танцы, а пляски отражались в водах большой, теплой и голубой реки... И ради обретения такой родины мы готовы пройти еще ни один год.

— Зачем так далеко и так долго, — засмеялся Олег, который был с утра в хорошем настроении, и его тронули слова мудрого старца. — Вы пострадали от хазар и печенегов, но враги моих врагов — мои друзья. А ты старик, как мой волхв, обладаешь даром предвидения. Как ты верно и точно описал большую, полноводную реку Днепр, на которой стоит мать городов русских Киев. Чудный город в чудном месте. И народ наш, хотя и вскормлен с конца копья, хотя и приучен с детства к походам военным, так как у нас при рождении мальчика отец дарит ему меч, приговаривая, что у малыша нет никакого наследства и имущества, кроме этого меча, которым он может и должен приобрести себе славу, честь и богатство, а у соседей — почет и уважение, вызванные страхом перед этим мечом и силою непобедимой дружины. Это так, — с удовольствием произнес князь, — народ у нас воинственный, но до песен, плясок, гуляний да игрищ разных ох как охоч. Что свадьбы веселые и что тризны погребальные, что другие радостные или горестные события без песен и обрядов шумных не обходятся. Даже невест наши юноши выбирают на гульбище, купаясь теплой летней ночью в Днепре и умыкая приглянувшихся им дев. — Похожи народы наши, — глядя на Лебедиаса и Альмоша, подвел итог князь. — А посему считаю и жить нам рядом будет не грустно и не тесно. Большие угоды вокруг Киева и дани с вас брать не стану и подмогу окажу разную. Токмо договор с вами, изустный и в грамоте писанный, на долгие годы составлю: когда я с дружиною уйду из Киеваграда в круговой объезд, в полюдь, собирать дань, вы, если у стен крепости враги появятся — заступите им дорогу, чтоб знали они — договор у нас крепкий и нерушимый. Так и будет и у детей, у внуков и всех потомков наших, вместе-то оно сподручнее, — заключил князь, и громкие возгласы одобрения дружинников были тому подтверждением.

...В стольный град Киев после долгого военного похода возвращалась с богатой данью дружина князя Олега, а за ней тянулись многочисленные кибитки, повозки, телеги со скромным скарбом и пожитками угорских кочевых племен, табуны лошадей, которые они перегоняли во время странствования и тысячи пеших и конных людей. Впереди, прямо за киевскими ратниками, скакали два вождя, старый счастливый Лебедиас и он, полный сил и отваги уже не юноша, а зрелый мужчина — воин Альмош.

Обширную территорию на берегу Днепра, находящуюся на подступах к Киеву, на которой князь разрешил селиться, так и назвали в честь мудрого Лебедиаса — Лебеди-ей. Не обманул Олег, земля здесь действительно была богатой, плодородной и доброй... А вскоре Лебедиас умер, твердо веря, что вывел народ свой на новую родину, и только его, Альмоша, первого среди маджар, самого крупного племени угорского, нередко одолевали сомнения, а та ли эта родина, о которой мечтал мудрец, и которую видел во сне он, Альмош. Вроде и похожа, да сердце подсказывало, что это всего лишь большая, более чем в десять лет, очередная остановка на долгом и тернистом пути народа.

Лебедиаса похоронили по старым обычаям, и после того, как догорел погребальный костер, уже следуя традиции славянской, в частности полян, проживающих здесь, обуглившиеся останки умершего собрали, зарыли в землю вместе с некоторыми любимыми и ценными предметами, которыми он пользовался при жизни, и насыпали огромный курган. А затем справили тризну — пышные проводы и поминки.

После тризны собрались все семь вождей угорских.

— Как свет уносит тьму, а тепло побеждает холод, как весна сменяет зиму, а утро приходит вслед за ночью, так и смерть одного открывает дорогу другому, — произнес тогда талтош Габор, — семь сыновей у великого Нуми Торума, но любимый и наиболее могущественный младший Мир Суснэ-хум. Так и среди нас семерых есть один всеми уважаемый, храбрый и мудрый Альмош сын Элода. — Раздались одобрител-ные возгласы и все встали. — С нынешнего дня, — обращаясь к Альмошу, торжест-венно начал старейшина угорского союза племен, — тебя мы избираем главным вож-дем и повелителем и куда твое счастье тебя поведет, туда и мы последуем за тобой!

Старейшина первый надрезал руку, и кровь из ранки пролилась в небольшую ри-туальную золотую чашу. Его примеру последовали и другие участники встречи, пе-редовая поочередно чашу друг другу. После этого, по установившемуся обычаю, они принесли неизбежную торжественную клятву верности своему выбору и единствен-ному избраннику.

Альмош еще почти семь лет стоял во главе союза. Многие из тех вождей, уже переселились в мир иной и нашли последнее земное прибежище в Лебедии...

...Альмош почувствовал, как тяжелый комок подступил к горлу. Грубые шкуры, которыми он был накрыт, казались очень тяжелыми и давили на грудь. Дышать ста-новилось все труднее...

— В нелегкое время мы живем, — раздавался во мраке голос талтоша, отошедшего от умирающего вождя. — И не от того, что покидают нас лучшие, вспомним, сколько из союза нашего, из всех племен и даже местных славян, соединившись в крупный от-ряд, перебежали к великоморавскому князю Святоплуку и, как нам стало известно, активно участвовали в жестоких, кровавых делах, достойных оплакивания. Они опу-стошили и разорили земли Паннонии. Убили многих людей. Об этом с чувством стыда и сожаления будут вспоминать наши потомки, и этот укор нам, пройдет через года и сто-летия. — Тяжелые, тяжелые дни настали, — возвещал старый Габор, — чует сердце мое большие перемены, великие события. Но мы не можем повлиять на бег времени или изменить что-либо, все во власти богов и духов наших далеких предков, а они жестоко карают за всякое непослушание и отступление... Вы знаете и помните тот черный день, когда злой дух соблазнил Альмоша в виде людей славянских, наших соседей, и тот не только уступил их просьбе, но и многих из вас увлек на этот путь...

— Ах вот что припомнил кудесник,— улыбнулся вождь. Вот что он ему не может простить и считает это началом бед. Альмош закрыл, слипающиеся в полусне глаза. Ему показалось, что окружающий полумрак рассеялся, и все вокруг стало наполняться светом, ярким теплым светом, от которого веяло жизнью, а вместо черных дымящихся факелов были свечи, которые он впервые увидел в тот день, и исходящий от них трепещущий огонь отражался в его душе и согревал ее. Чудная, радостная и благодатная картина того дня проплыла в сознании.

— ... Храм открываем, храм открываем! — таким радостным криком с самого утра разбудили маджаров шустрые рыжеволосые мальчишки, прибежавшие из соседнего славянского селища.— Храм открываем, всех приглашаем! — то тут то там раздавались звонкие детские голоса. А вскоре в селение препожаловали несколько стариков из церковной общины, которые оповестили, что действительно освящается и открывается долгожданный, пусть хотя и небольшой, христианский храм, в строительстве коего и они, пришлые племена, хотя и языческой веры, принимали активное участие. Еще год назад горстка славян веры христианской, у которых жива была еще память о первых владетелях этих земель — рюриковских дружинниках Аскольде и Дире, порешили возвести храм. Великий князь Олег хотя и не поддерживал, но и не преследовал ревнителей и последователей новой веры. Только вот искусных руководителей по дереву было явно недостаточно, поэтому-то и обратились члены церковной общины к Альмошу за помощью. Знали они многих умельцев, которые помогали русичам справные избы рубить, свои секреты имели.

— Храм это не изба,— возмутился талтош, узнав о том, что вождь согласился помочь в строительстве и даже нашел среди сородичей опытных сноровистых людей.— Духи разгневаются и не примут дары, не услышат просьб и отвернутся от нас.

Однако Альмош не внял предостережениям и сам, вместе с работниками неоднократно бывал на площади посередине села, где славянские и угорские мастера, помогая друг другу, возводили деревянную церковь в виде большого остроконечного конуса. Они быстро обтесывали заранее заготовленные и высушенные деревья превращая их в прямоугольные доски и балки, круглые столпы, строгали, подгоняли, выравнивали, обрабатывали жесткой шкуркой, поднимали на высоту... Работали все, даже ребятя — кто делал резьбу, кто вытесывал двери, также украшая их резными деталями, кто хлопотал о внутреннем убранстве. Каждая мелочь была продумана и выполнялась с такой любовью, с такой выдумкой и искусством, что у Альмоша это вызывало чувство уважения.

На открытие церкви собрались и русичи, и почти все маджары. Яркие лучи солнца играли на золотистых досках храма, переливались на остроконечном шатре увенчанном крестом. Альмош никогда не ощущал такого подъема, когда пела душа, веселилась вместе со всем народом. Он до конца еще не понимал значение и роль этого красивого сооружения в жизни жителей селения, но не мог не почувствовать, что это очаг их веры христианской. Вождь вспомнил старые, мрачные, наводящие ужас и страх капища в лесных потаенных местах, грубо обтесанные, одиноко стоящие, требующие жертв и поклонения, карающие и наказывающие изображения духов и богов своих предков. Только главный талтош мог обращаться к ним, надеясь быть услышанным. А здесь, в самом центре селения, на открытом месте, к которому ведут все дороги, возвышаясь над другими постройками, устремленная в небо и зовущая всех за собою церковь притягивала каждого, проходящего мимо. Даже он, Альмош, старый воин-язычник, чувствует еще около храма какой-то необъяснимый внутренний трепет, волнение, единение с чем-то большим, дотоле неизвестным, лучезарным, вселяющим надежды. Он ли это?.. Где болезни и недуги, которые так досаждали в последнее время и которые не мог изгнать многоопытный лекарь Габор всеми своими заговорами, нашептываниями и снадобьями?.. Нет, он молод, в его жилах горячая

кровь предков, он готов на добрые дела, он любит свой народ и ради него может пожертвовать собой. А еще он благодарит тот день когда согласился помочь в строительстве храма, который теперь стал ему близок и притягивает к себе. Здесь все вместе, рядом, все поздравляют друг друга. Ни одного угрюмого, злобного лица. Вокруг струится неподдельная радость и ликование. Вокруг общность людей. Но что их объединяет, кто? Даже он, признанный вождь, глава союза семи племен, не обладает такой чудодейственной возможностью и даром сплачивать свой народ. Отошли же от него некоторые семьи и роды, переметнувшись к коварному и кровожадному моравскому владыке Святоплуку. Да что он? Даже талтош, общающийся с духами и предками, не имеет такой силы. Новая вера жителей этого небольшого славянского села, их единый бог Иисус Христос объединяет, сплачивает, изменяет людей, делает их лучше, чище, добрее, отзывчивее, счастливее. Вот они стоят, словно бы светящиеся изнутри. Даже тяжелые бедствия, болезни, горе и утраты близких, они, в чем не раз убеждался Альмош, переносят спокойно, без суеты, с надеждой и упованием на помощь свыше, которая крепче, прочнее и долговечнее людской.

— И вера эта,— думал вождь,— доступна всем, и все могут общаться, взывать к своему богу, просить его лично. Он добр, щедр, милостив, он понимает и прощает, любит каждого принявшего его независимо от рода, семьи и племени.

Священник в церкви был старый выходец из Византии, приехавший на Русь вместе с торговцами, да так и оставшийся здесь. Вокруг него объединилась группа славян, порвавших с язычеством, потом к ним примкнули и другие. Образовалось почти целое селение. И вот, наконец-то, они возвели храм, о котором мечтали. Сколько раз Альмош подходил к священнику и пытался найти у него ответы на волнующие вопросы, на которые не мог ответить ни сам он, с его большим жизненным опытом, ни сын Арпад, ни другие угорские вожди, ни даже мудрый Габор.

— Почему вражда изъедает мир и людей, почему даже близкие тебе по крови, порою, оказываются далекими в конкретных делах, и как сделаться лучше самому и сделать лучше других? — пожалуй, ни один вождь не ответит на такие вопросы.— Как поступить — карать и наказывать или прощать?

— Поймешь ли, что открою тебе,— отвечал священник,— два мира — небесный — невидимый и земной — видимый, вещественный в котором мы живем едины в Боге, как их общем создателе,— в этом суть развития земного совершенствования людей через познание божественной истины. И тогда, по мере восхождения по лестнице этого познания, мы можем достичь благодатного единения с Богом и друг с другом, когда Бог незримо присутствует в каждом из нас и во всем, что нас окружает, не смешиваясь ни с чем.

— У нас тоже свои боги,— заметил Альмош.— Может ли ваш бог пострадать за каждого из вас, даже человека несовершенного, пролить свою кровь, принять мученическую смерть, чтобы спасти всех, кто уверовал в него хотя бы в последние минуты?

Стараясь, как можно проще, священник объяснял:

— Он просит одной жертвы — веры, и веры, прежде всего для вас, потому что верою этой вы спасетесь. Жизнь легка во Христе и легки испытания, которые посылает Он и искусители рода человеческого, если вы будете переносить их с верой.

— Можно верить, но вера рождается в храме?

— Вера рождается в душе, в сердце и укрепляется добрыми делами, поступками. И если люди верят искренно, они не бывают злыми и даже зло исправляют добром. И далекие тебе в вере становятся близкими, и мы любим друг друга, так как наш Бог есть Любовь. Конечно, вера должна быть всегда с тобою, где бы ты ни был; дома, в пути, на поле, в военном походе или в сражении и у смертного одра. И не гоже вспоминать о Боге только в трудные минуты, а в другое, доброе для тебя время жить в забвении и думать, что ты сам, лично, без чьей либо и особенно божеской помощи и под-

держки, достиг всего. Это лицемерие, и лицемеры не будут крепки даже в показной вере. Но храм — особое место, высшая ступень лестницы, где человек восстанавливает свой божественный образ через приобщение ко Христу. Это ковчег спасения. Только здесь, в храме, доме Господа Бога нашего, люди очищаются от всего суетного, земного, приобщаясь благодатных даров таинств, внимая проповеди Слова Божия, тонкостям богослужения, повторяя молитвы, благоговейно взирая на иконы и лики святых. И когда все это охватит тебя, тогда только почувствуешь особую благодать Божию.

— А что такое благодать? — робко, как бы стесняясь своего незнания, тихо спросил Альмош.

— Благодать — блаженнейшее чувство единения с Господом, которое трудно передать словами. Это ликование души, это свет, истина, радость и легкость тела твоего, это живительная сила, разливающаяся по тебе и охватывающая каждую частицу твою, и когда чувствуешь, что это уже не ты, а новый человек, очищенный от земной скверны, от всего нехорошего, наносного, зачастую, невидимого, что прилипло к тебе, это спасительный путь от тьмы греха и смерти к свету, праведности и жизни вечной в единении с Богом...

Альмош улыбался во сне. Он совершенно не чувствовал боли, не слышал бормотания талтоша, тревожного перешептывания собравшихся, не видел склонившегося над ним Арпада, к которому теперь переходила власть над объединенным союзом племен. Здесь в Ателькузе, после тяжелого ранения в славной битве, предчувствуя скорую кончину, Альмош призвал любимого сына и взял с него клятву, закончить то, что он не успел, не смог.

Старый вождь в последний раз открыл глаза. Ему показалось, что бывшие силы возвращаются, и смерть отступает. Конечно же, он победит. Альмош чуть заметно пошевелился пытаясь приподняться, но в полумраке никто этого движения не заметил. Люди, считая, что он уже отошел в нижний мир, погасили факелы, вышли во двор, где все было готово к торжественному обряду сожжения. В большой горнице стало совсем темно. Воцарилась зловещая тишина.

— Осталось несколько минут, — успел подумать Альмош, погружаясь в предсмертный, но такой радостный, вещей, сладкий сон.

...Как неожиданно поменялась картина, — удивляется вождь, — темная комната стала наполняться светом. Таким теплым, обволакивающим, почти что густым и трепещущим, бьющимся, пульсирующим, словно сердце. Такое он уже видел, тогда, в славянской церкви в Лебедии. Сияние щедро изливалось из окон, от многочисленных свечей и лампад. Даже горящие от восторга и упоения глаза верующих излучали тепло. То был свет надежды, свет от Божественного Света Христа, свет истинный, который освящает всякого идущего в мир и свет будущей жизни в царстве Божиим.

Альмош чувствует, как тело его становится легче, и он уже не поднимается с этого погребального ложа, а парит, купаясь в переливах небесного света. Он уже высоко. И трудно различить, что предстает перед ним в полете. Может, это семь могучих ветвей мирового дерева или семь сыновей Нуми Торума, или семь племен угорских, прошедших с ним из далекой Биармии, через земли Лебедии и Ателькузы?

Но нет — это горящие пред престолом Господа — бога христианского — семь светильников. Посреди и вокруг престола — четверо животных с лицами льва, тельца, человека и орла летящего. А Сидящего на престоле окружают двадцать четыре старца с золотыми венцами на головах. Посреди престола, чудесных животных и величественных старцев стоял Агнец, как бы закланный, имеющий семь рогов и семь очей, которые суть семь духов Божиих, посланных во все края земли.

— Да это же описано в Откровении святого Иоанна Богослова, — осенило Альмоша, и он вспомнил, как читал ему священник в Лебедии отрывок из этой священной книги христиан.

«И когда Он взял книгу, тогда четыре животных и двадцать четыре старца пали пред Агнцем, имея каждый гусли и золотые чаши, полные фимиама, которые суть молитвы святых. И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле». Несколько раз просил Альмош ученого грека прочитать этот отрывок из Откровения, но, неподготовленному в вере, ему трудно было толковать услышанное. Где-то в глубине души, сомневаясь и лелея робкую надежду, он дерзнул предположить, что речь идет о его народе — семи разных племенах, народах, отличающихся даже по языку и обычаям. И вот они объединены, но что грядет в будущем: может, действительно выйдут из народа нашего 24 великих царя-священника, которые будут царствовать на земле?

...Подумав так, Альмош гнал прочь дерзкую мысль, но она каждый раз вновь возникала в его сознании. И вот сейчас необычные видения из прошлого и будущего, переплетаясь, поют славу его отважному, бесстрашному и многострадальному народу, надеющемуся только на себя и свои силы.

Перед тем, как покинуть гостеприимную и плодородную, Лебедию Альмош, посоветовавшись с сыном Арпадом, собрал вождей и старейшин. Как ярко представляется ему тот день, словно это и не во сне, а наяву.

— Да, здесь отзывчивые росы, храбрые дружины, здесь вещей Олег, грозящийся покорить и подчинить соседние земли и племена, посадить там людей своих и даже прибить щит на воротах Царьграда,— начал речь Альмош,— но насколько искренны местные старейшины, воеводы во главе с их вероломным вождем? Разве не он, инородец средь славян, варяг, обманом, убийством и коварством, взял Киев? В крови христианских родственников их, бывших дружинников Рюрика Аскольда и Дири уки гордого и властного Олега. Он хитростью выманил их из Киева и приказал убить. Говоря добрые слова о мире и согласии, люди эти, и прежде всего их князя и воеводы, готовы вас обмануть, как обманули они Аскольда и Дири, так что никто из вас этого не заметит, поссорить, привить ложные идеалы и обратиться супротив истонного народа своего. И разве не мать городов русских примером тому, ведь до безвинно убиенных Аскольда и Дири были еще истинные основатели Киева братья Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Кто теперь помнит о них, восславляя одного всевластного Олега и молодого княжича Игоря, сына Рюрика?

Внимательно слушали вожди и старейшины, знатные воины, жрецы своего главного лидера, правившего уже сорок лет. Они надеялись на него и сохраняли верность клятве.

— Многие возразят нам, здесь хорошо, тепло и сытно, да и князь киевский не утесняет и дани не требует, считая своими союзниками. Только долго ли так будет продолжаться? Олег может взять свое слово назад, нарушить его. Притом, князя и воеводы меняются, а у нас пока нет своей земли, своего родного дома, своей родины, а в гостях долго не пробудешь. Наш путь не кончен. Будут новые трудности, но уверен, мы их преодолеем. Нас ждет новая, своя родина! — взывал Альмош.

Все согласились идти.

— Куда твое счастье поведет тебя, туда и мы за тобою,— подтвердили они слова старой клятвы.

Тысячи людей, с телегами, повозками, кибитками, стадами коров и табунами лошадей опять двинулись в путь. Предварительно Альмош от имени всего народа угорского снарядил моравскому князю, с которым уже были налажены связи, большого белого коня с седлом и уздечкой, а тот прислал дунайскую воду, траву и чернозем. Древний обычай, который говорил, что князь моравский приглашает на свободные богатые придунайские земли кочевой воинственный народ с тем, чтобы они, их всад-

ники, помогали защищать его владения и участвовали в его, моравского князя, походах на Паннонию.

Тут-то в начале пути и постигло их большое несчастье. Передовой отряд маджар во главе с самим Альмошем, вступившим в союз с византийским императором Львом Шестым, вторгся в Болгарию, но был разбит на Южном Буге болгарским царем Симеоном и его союзниками-печенегами, а сам вождь получил тяжелое ранение.

Поражение только ускорило движение угров через Карпаты.

Эти события, эпизод за эпизодом, ярко пронеслись во сне Альмоша. Последние силы иссякали, жизнь медленно уходила, а он все плавно парил и парил в потоках света, становившемся все ярче и ярче. Красочные видения исчезли, и вот он уже не парит, а мчится, летит по какому-то бесконечному, ослепительному коридору времени. Мелькают люди, события, их отдельные детали, даты... но разве разобрать что там и про что — все смешалось в безудержном, стремительном ритме.

— Только одно, только одно, самое главное ясно, и это открылось мне лишь сейчас, — шепчет Альмош. — Пролетят столетия, тысяча лет пройдут, и разные времена ожидает народ мой; будут радость и счастье, горе и напасти, в том числе от славян, потомков Олеговых, правящих властителей, будут слезы и кровь. Будут заговоры и перевороты, войны и перемирия, будет обман и ложь и всеобщая эйфория от надуманных побед, будут герои и предатели, будет гордость свершений и позор соглашательства, будет разрастающийся клубок разногласий, но соединяющей нас станет вера христианская, которая незыблема. А еще — народ, традиции и дружба. Все темное померкнет перед светом истины, перед общими ценностями рода человеческого. Но этот путь надо пройти, все испытать, пережить, чтобы на новом свободном поле, на обретенной и воссиявшей светом свободы родине буйно расцвела новая жизнь, отразившая и соединившая в себе беспечность жизни в Биармии, щедрость и мудрость в Лебедии и нарастающую мощь и национальное сознание в Ателькузе.

Заканчивается стремительный полет в царстве лучезарного ослепительного света. Альмош чувствует, что уже медленно опускается. Тело его совершенно невесомо, и он ничего не ощущает. А вот впереди и место уготованное ему. Но кем? Ответа нет, только в воздухе замечает он, как к нему кто-то плывет, скользит в белоснежном облаке. Может, покровительница рода — птица Турул? Но нет — это не она. Тогда, возможно, сама Белая Баба — холодная и безжалостная смерть, охотящаяся за душами умерших? Только почему ему так хорошо, так тепло? Такого восторга и восхищения он еще никогда не испытывал. Какой чудесный образ! Какой божественный женский лик, от которого веет добротой, спокойствием, умиротворением!

— Где я это видел? — силится вспомнить Альмош, и вдруг его озаряет догадка, — да это же ОНА, Пречистая Богородица — заступница всех людей и их охранительница. Это ее образ он видел в детских снах, а потом и на иконе, которую с особыми почестями привезли в христианскую церковь, в строительстве которой ему посчастливилось участвовать...

Неземная радость, нежная сердечная любовь, священный трепет и благоговение, огромная благодарность переполняют Альмоша. Шепча слова признательности за себя и судьбу народа своего, он протягивает вперед руки и плывет навстречу чудесному видению и уже не хочет просыпаться.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

АНАЛЬГИН

У Анастасии Яковлевны Викуловой заболело колено. Да так, что терпеть не было сил. Наконец, крихтя и охая, она поехала в райцентр в больницу. Врач-терапевт районной Куракинской больницы Олег Валентинович Самоглядов внимательно осмотрел колено и произнес: «Ну, что ж, все ясно. Перед сном колено хорошенько пропарьте, нанесите йод в виде сеточки и попейте анальгин. Я полагаю, что боль отступит».

Анастасия Яковлевна, как человек, привыкший доверять докторам, так и сделала. Но вместо обещанного облегчения наутро она вновь ощутила острую, пронизывающую боль.

Так продолжалось несколько дней. Наконец, она не выдержала и вновь приехала в больницу.

Увидев вошедшую Викулову, Олег Валентинович вымученно изобразил на лице что-то вроде дружеской улыбки.

— Проходите, проходите, присаживайтесь,— вежливо предложил он, указывая на стоявший у стола стул.— На что жалуемся?

— Коленка у меня болит, доктор,— пожаловалась Анастасия Яковлевна.

— Ну, что ж, коленка, так коленка. Показывайте.

Анастасия Яковлевна размотала шаль, которой обматывала больную ногу, сняла чулок и выставила перед доктором треклятое колено. Олег Валентинович надавил на колено указательным пальцем.

— Согните ногу. Теперь разогните. Все ясно, одевайтесь,— произнес он, подставляя намыленные руки под струйку воды.— Ну что ж, попейте, Анастасия Петровна, анальгин, обязательно хорошенько пропарьте колено и нанесите на него йод в виде сеточки.

— Да не помогает мне это, Олег Валентинович,— чуть не плача, проговорила Анастасия Яковлевна.

Доктор поправил очки на переносице.

— Варвара Яковлевна, голубушка, ведь возраст же. Я вот помоложе вашего буду, а тоже то тут, то там болеть начинает. Вы обязательно анальгин пейте, он является обезболивающим средством.

Всю обратную тридцатикилометровую дорогу домой Анастасия Яковлевна со слезами на глазах рассказывала кондуктору и немногим пассажирам рейсового автобуса о своей беде, в сердцах ругая доктора Самоглядова.

— Ты, бабка, лучше поезжай в областной платный диагностический центр,— вступил в разговор водитель автобуса.— Там тебе всю коленку обследуют и скажут, что к чему. А этот, наш, ничего не понимает. У него и прозвище такое — Анальгин, потому что он его всем прописывает,— засмеялся водитель автобуса.

Дома Анастасия Яковлевна, посоветовавшись с мужем, решила и вправду съездить в диагностический центр на обследование.

На следующий день она первым рейсом выехала в областной центр и к полудню была в диагностическом центре. Отстояв длинную очередь в регистратуру, затем очередь в кабинет врача, и наконец-то, спустя два часа, попала на прием к доктору.

В светлом и огромном кабинете находились сразу два врача — маленький, с бородкой и в очках мужчина и полная розовощекая женщина. За столом сидела и молча что-то записывала молоденькая медсестра. Доктор ощупал больное колено и сказал что-то розовощекой, после чего она отложила в сторону амбулаторную карту и посмотрела на Анастасию.

— Вам доктор не назначал рентген делать?

— Да нет, милая, мне доктор велел коленку парить и анальгин пить.

Находящиеся в кабинете врачи переглянулись, заулыбались.

— Идите на второй этаж в сто пятый кабинет, сделайте там рентген, а затем придите сюда.

После рентгена Анастасия Яковлевна вернулась в кабинет. У окна стоял маленький бородач и рассматривал принесенный снимок Анастасьиного коленного сустава, а затем отложил его и сел за стол.

— Так, Анастасия Яковлевна, у вас артроз коленного сустава. Мы вам запишем в вашу медицинскую карту рекомендации по лечению. Поделайте прогревание, массаж и укольчики. Лечение будете проходить в вашей районной больнице. В карточке мы все расписали вашему лечащему врачу.

Спустя два дня Анастасия Яковлевна пришла к Самоглядову. Доктор любезно предложил ей присесть, а сам, оттянув ее нижнее веко, стал водить перед глазами авторучкой.

— Смотрите на авторучку, — внимательно глядя в глаза Анастасии, проговорил он. — Вправо, влево, ну, как ваша мигрень? Вниз глаза, теперь вверх. Сейчас голова не болит? Если я не ошибаюсь, Ольга Михайловна?

— Нет, доктор, ошиблись. Я Викулова Анастасия Яковлевна, у меня коленка болит, — ответила она, не отрывая взгляда от авторучки перед своим носом. — Я была в платном диагностическом центре и сделала снимок, а в карточке врачи написали, как меня лечить надо, — протянула она Самоглядову аккуратно завернутые в газету снимок и амбулаторную карту.

Олег Валентинович долго рассматривал снимок, а затем, прочтя сделанные в карточке записи, снял очки, растер пальцами виски и устало откинулся на спинку стула.

— Я так и предполагал. Мой диагноз подтвердился, — глядя на медсестру, произнес он. Затем водрузил очки на прежнее место и повернулся к Анастасии. — Ну, что ж, Анастасия Яковлевна, лекарств у нас сейчас нет. Вам придется самой их купить, и тогда приходите к нам на уколы. Электрофорез мы вам сделать не сможем: у нас аппарат не работает, да и специалист в декретный отпуск ушла, а массажного кабинета у нас, к сожалению, нет. Не предусмотрен.

— Что же тогда посоветуете? — расстроилась Анастасия Яковлевна.

— Ну, что посоветовать? — пожал плечами Самоглядов. — По поводу укольчиков вы меня поняли, массаж можете делать себе сами. Аккуратненько большим и указательным пальцами водите по часовой стрелке в области коленной чашечки. Перед массажем колено пропарить и смазать йодом. А перед сном обязательно выпейте анальгин. Этот препарат снимает боль... Ну, Ольга Николаевна, желаю удачи. Будет боль донимать, приходите, что-нибудь придумаем.

Вечером после работы доктор Олег Валентинович Самоглядов, прогуливаясь с женой по центральной улице поселка Куракино, рассказывал ей о современных научных методах, применяемых при лечении больных. Он думал о завтрашнем дне, когда вновь наденет белый халат и будет оказывать помощь больным людям; он отнесил себя к категории тех великих медицинских светил, которые в разные времена прославили отечественную медицину.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

В НЕПОДХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ, В НЕПОДХОДЯЩЕМ МЕСТЕ

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шаранов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицмейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

Студеный февраль... Лютует мороз, не отступая и в субботний вечер. Вдоль городской улицы замерли пирамидальные тополя, опушенные снегом. Меж ними, по льдистой дороге, с достоинством движется милицейский УАЗик. На передних дверцах его намалеваны белые, высоты восемнадцати с половиной сантиметров, буквы: ПА — патрульный автомобиль. В кабине двое молодых мужчин в знакомой населению темно-серой форме. На плечах водителя — сержантские погоны, у пассажира рядом — лейтенантские.

— Шел бы он со своими экспериментами...— продолжал монолог на наболевшую тему пассажир «пеашки», участковый инспектор милиции Виктор Бычков. Далее он недвусмысленно уточнил, куда именно следует идти. Кому? «В места отдаленные» настойчиво посылался начальник УВД города. Именно по его приказу отряд участковых инспекторов и уселся в патрульные автомобили, «дабы оперативно прибывать на места совершения преступлений». (Эх, ведал бы главный городской борец с преступностью, где за последнее время пришлось ему перебивать... в мыслях-желаниях многочисленных подчиненных!).

— Сам посуди,— продолжал изливать душу напарнику Бычков.— Участок у меня — врагу не пожелаешь. Многоэтажки, коммуналки петровских времен, частного сектора тоже хватает — одна Песчанка чего стоит... Три общежития! Два минирьнка! Цыганский квартал — рассадник наркош... Сейф неотработанными жалобами забит; одна бабушка уже до печенок достала, все по соседству инопланетяне мерещатся; поднадзорников и охотников проверять срок... А тут зам по МОБ* совсем

* Зам. по МОБ — заместитель начальника отдела внутренних дел — начальник милиции общественной безопасности. В его подчинении находится отдел по работе с участковыми инспекторами милиции, сокращенно ОРУИМ.

сблудил: требует, чтоб каждый участковый за месяц по сотне административных протоколов оформлял, плюс к тому дай пять раскрытых преступлений. «И непременно, чтоб одно — тяжкое»... — передразнил Бычков начальника. — Будто они, убийства да изнасилования раскрытые — вот, прямо на дороге валяются...

— Если валяются, так только нераскрытые, — впервые вклинился водитель, сержант милиции Алексей Барibal.

— Во-во... Тогда уж лучше никаких — показатели не портить. Короче, время драгоценное идет, а мы тут с тобой впустую километры накручиваем... Весь эксперимент-экскремент...

Автомобиль остановился на красный свет. Бычков приоткрыл дверцу машины и ожесточенно сплюнул. В салон радостно ворвался морозный воздух, и участковый торопливо захлопнул дверцу.

За перекрестком УАЗик обогнало БМВ. Скоростная машина явно нарушала правила дорожного движения: сильно виляла, то и дело выскакивая на встречную полосу.

— Ты гляди, что делает, — оживился Барibal. — Сто процентов: нажрался — и за руль...

— Сейчас точно в кого-нибудь въедет, — не без оснований предположил Бычков. — Давай, догоняй, — и схватился за микрофон громкоговорителя — в милицеской среде попросту матюкальника.

Меж тем БМВ, двигаясь так же, по синусоиде, проскочила следующий квартал и выкатила на Пионерскую площадь. На ней, в центре огромной клумбы, памятником прошлому высилась скульптурная группа: мальчик с барабаном и девочка, вскинувшая руку в пионерском салюте. Еще с перестроечных времен композицию стали опошлять, выставляя на барабан треснувший стакан или пустую водочную бутылку, вывешивая на шею салютующей таблички типа «Даю с 17 до 19 без выходных», а однажды на обломок барабанной палочки нацепили дырявый презерватив.

Обгоняя автобус справа, импортная машина подъехала к нему впритирку. Опасаясь столкновения, водитель «Икаруса» вынужден был отвернуть влево. Автобус вынесло на клумбу, и он заглох, едва не «поцеловавшись» с бетонным постаментом.

Сидящие в БМВ, похоже, даже и не заметили, что чуть не влипли в аварию. Миновав площадь, машина совсем переместилась на встречную полосу, распугивая транспорт и заставляя его вплотную прижиматься к тротуару.

— Водитель БМВ, номер..., немедленно остановитесь! — дважды прокричал Бычков в микрофон.

Никакой реакции... Впрочем, автомобиль-нарушитель вырулил-таки на свою сторону дороги.

— Обгоняй! — скомандовал участковый.

— Ага... У него мотор вдвое, — ответил Барibal, но на акселератор надавил. Вскоре автомашины сравнялись. Приоткрыв боковое стекло, Бычков выставил в него руку с жезлом со светоотражателем и отчаянно замахал, требуя остановки.

Опять никакой реакции... Автомобили продолжали мчаться вперед. Бычков еще раз прокричал в матюкальник, а затем спросил:

— Ну что, придется подрезать?

— Дело несложное, — отозвался напряженно удерживающий «пэашку» рядом с дорогим авто Барibal. — Только потом начальство может не понять...

— Давай... — решил Бычков. — По-хорошему все одно не получится...

Водитель до отказа нажал на газ, на полкорпуса обогнал БМВ, умело прижал его к бордюру и резко крутанул руль: вправо-влево. Машины едва не столкнулись. БМВ притормозило. Барibal повторил маневр... На третьем подрезании автомобиль-нарушитель остановился, чуть не врезавшись «пэашке» в крыло — на сей раз сержант милиции руль влево не отворачивал, и УАЗик под острым углом преградил БМВ путь.

Бычков выскочил из машины, осторожно постучал жезлом в стекло соседнего авто... Из салона не донеслось и звука. Участковый инспектор дернул за ручку дверцы — заперто. Сильнее постучал в стекло — то, наконец, поползло вниз.

За рулем сидела женщина в норковых шубе и шапке. Немолодая: лет под пятьдесят. Того же возраста мужчина — пассажир с переднего сиденья — был одет в ондатровую шапку и теплое кожаное пальто. Из салона прямо-таки несло перегаром.

— Чего надо? — недовольно процедила женщина.

Бычков по-уставному представился, козырнул...

— Ваше водительское удостоверение...

— Ишь чего захотел, — услышал в ответ возмущенный возглас.

Участковый опешил: нарушители ПДД так себя с сотрудниками милиции не вели. Тут в ситуацию вмешался мужчина-пассажир.

— Тамара, помолчи, — одернул он спутницу, вылез из машины и, пошатываясь, подошел к участковому. На ходу расстегнул пальто, доставая из внутреннего кармана пиджака документы.

— Младший советник юстиции Перов, — сказал он, раскрывая книжечку в красной обложке. — Прокурор Свердловского района. А это, — указал на женщину за рулем, — моя супруга.

Бычков и вышедший к тому времени из УАЗика Барибал замялись. Патрулировали-то они как раз на территории Свердловского района и уж меньше всего ожидали нарваться на главного надзирающего за милицейской структурой. Да еще в таком виде!

Впрочем, будь сам Перов даже и нетрезвым за рулем, они бы младшему советнику юстиции только откозыряли — задерживать-то права не дано... Ну, по окончании дежурства устно доложились бы начальству о неординарной встрече. Стопроцентная гарантия: им бы посоветовали о ней забыть на веки вечные.

Однако сейчас нарушитель за рулем — лицо гражданское, а вовсе не «персона нон грата». Хотя, с другой стороны, «муж и жена — одна сатана». Разве ж прокурор свою слабую половину в обиду даст?

— Были в гостях, — пояснил, не договаривая, Перов.

— Чего ты им объясняешь? — перебила мужа женщина. — Нашел, перед кем отчитываться! Поехали!

— Да помолчи же ты! — уже прикрикнул прокурор на супругу. — Сейчас все решим...

— Товарищ прокурор, — набрался мужества Бычков. — Вы нас, конечно, извиняйте... Только ни вам, ни жене вашей никак за руль нельзя. Минуту назад, на площади, чуть дорожно-транспортное не совершили. Жизнями рискуете...

«И не одними своими», — хотелось добавить лейтенанту милиции, но он предпочел оборвать предложение.

— И чего, по-твоему, нам теперь делать? — опять встряла в разговор женщина. — Пешком через полгорода идти?

— Зачем пешком? — на ходу соображал Бычков. — Позвоните кому-нибудь из знакомых... Кто живет недалеко... Он и довезет...

— Ага, умник нашелся, — не успокаивалась женщина. — Сейчас сто человек слетится — всем больше делать нечего...

— Тамара! Я тебя умоляю! — прижал руки к груди прокурор.

— Что вы делаете? — воскликнул до того молча слушавший триалог Барибал. Кричал он супруге Перова, которой, по всему судя, надоело препираться. Женщина запустила двигатель и включила заднюю скорость, однако слишком резко тронула с места, и мотор заглох. Прокурорша тут же вновь завела машину и включила... первую скорость. Автомобиль рванулся вперед, и его бампер углом уперся «пзашке» в крыло.

Прокурор выругался. А Барибал, тронув Бычкова за рукав, твердо произнес:

— Докладывай по радиации дежурному. Иначе, если разъедемся, они завтра заявления подадут, что это мы во всем виноваты, а бампер пять «штук» стоит...

И как ни просил Перов сотрудников милиции сокрыть происшедшее, те, через дежурного по УВД города, вызвали на место столкновения дежурную группу сотрудников ГИБДД.

Через пятнадцать минут к двум автомобилям подъехал третий, специально оборудованный проблесковыми маячками и с символикой ГИБДД.

— Старший инспектор дорожно-патрульной службы, — отрекомендовался офицер, — капитан милиции Шубин.

Следом за ним из спецмашины вышел и сержант-водитель, тоже сотрудник ДПС. Они-то, не без помощи Перова, наконец, вытребовали у его супруги водительское удостоверение.

— Так что делать будем, товарищ прокурор? — вслух рассуждал теперь капитан милиции. — По закону-то оно, конечно, ясно: схему ДТП расчертить, Тамару Вячеславовну — на освидетельствование, на предмет признаков алкогольного опьянения, протокольчик за нарушение ПДД составить, ну а транспортное средство — на штрафстоянку...

— Чего захотел... — подала голос так и не вышедшая из автомобиля прокурорша. — Только попробуй: завтра же из милиции вылетишь!

— Да ты заткнешься, в конце-то концов! — не выдержал Перов. И предложил Шубину: — Товарищ капитан, давайте мы вам напишем, что претензий к сотрудникам милиции у нас нет, а вы бы помогли до гаража доехать. Тут, по-хорошему, и десяти-то минут хода...

Капитан милиции недолго поразмышлял. Наживать себе врага в лице прокурора района явно не хотелось. Хотелось — подстраховаться, однако отбирать у него письменное заверение в лояльности стражей порядка... Нет, Шубин и на это не решился...

— Крыло-то не сильно повредили? — спросил он Барибала.

— Переживем, — мрачно отозвался водитель. — А вот как бы товарищ прокурор завтра не передумал...

— Да Господь с вами, ребята, — замахал руками Перов.

Прокурорша на этот раз благообразно промолчала: может, поняла, что дело идет к мировой, а может, хмель маленько повыветрился. Словом, «пэашка» поехала дальше по маршруту патрулирования, а Шубин уселся за руль БМВ, потеснив Перову на пассажирское место рядом, а Перова — вообще на заднее сиденье.

— Исключительно из уважения к работникам прокуратуры, — счел долгом пояснить свое решение капитан милиции, включая двигатель.

Супружескую чету, в сопровождении автомашины ГИБДД, к гаражу доставили действительно за несколько минут. Прокурор долго шарил по карманам в поисках ключа. Наконец отыскал его — сейфовский, с двойной бородкой. Сделал несколько безуспешных попыток попасть в скважину, переругиваясь при этом с супругой. Затем беспомощно пожал плечами.

— Товарищ капитан, может, вы поможете? Застыло, что ли?

Осторожный Шубин сам замок открывать не взялся, позвал сторожа. И только убедившись, что автомобиль благополучно заехал в гараж — за рулем на этот раз сидел сам Перов — откозырял и удалился к служебной машине...

На том и был бы мирно окончившейся истории конец, ан вовсе нет. Часа через два и «пэашка» и автомобиль ГИБДД мчались к Свердловскому райотделу, срочно вызванные по радиосвязи.

Первыми к зданию ОВД подрулили Бычков и Барибал. И, едва выйдя из машины, тут же были встречены непечатными словами, которыми милиционеров обложила

прокурорша, стоявшая на ступенях райотдела, вместе с мужем и начальником штаба ОВД: все трое курили.

Участковый и милиционер-водитель опешили, ничего не понимая.

— Я же говорил: за бампер ругаться приедут,— тихо сказал Барибал напарнику.

Но оказалось, что бампер-то как раз и ни при чем. Супруги утверждали, что после общения с милицией из БМВ пропала супердорогая дамская сумочка — шесть с половиной тысяч «деревянных» уплочено — фирмы Картье, цвета бордо и с укороченной ручкой, принадлежавшая Перовой. А помимо косметики — сплошь Кристиан Диор — там находились тысяча двести «зеленых», семьсот российских рублей, сотовый телефон фирмы «Моторола» и начатые упаковки лекарств: нимотопа, норвакса, эссенциале и витамина Вентури Центури.

— Воры! Разбойники! Обратни в погонах! Вы у меня надолго сядете! — выкрикивала разошедшаяся прокурорша.

— Ну, это ж не они,— как мог, успокаивал ее супруг.— Они даже в машину не садились... Гаишники... Тьфу — никак не привыкну — ГИБДДшника работа, который нас вез... Больше никому...

Легко на помине — появился Шубин с водителем. Им пришлось выслушать в свой адрес оскорбления покруче, и на этот раз от двоих считающих себя потерпевшими людей.

Меж тем, к райотделу подъезжали и подъезжали машины. Прибыл начальник ОВД, его заместитель по кадрам, дежурный кадровик из УВД города, дежурный следователь прокуратуры района, дежурный управления собственной безопасности (УСБ) УВД области и, наконец, один из замов прокурора города.

Всей толпой ввалились в «дежурку». Прокурорша махала перед носом дежурного по райотделу листом стандартной бумаги: заявлением о краже, но в руки почему-то не дала. Дежурный зарегистрировал факт обращения Перовых в специальной книге Формы 2. Четырех сотрудников милиции, подозреваемых в краже автомобиля, «пустили по кругу»: каждый из них поочередно давал показания дежурному инспектору по разбору, кадровику из городского УВД, «уэсбешнику» и следователю прокуратуры, поскольку всякая инстанция проводила собственное служебное расследование по факту устной жалобы.

Прокурора и его супругу опрашивать почему-то никто не спешил. Только по указанию начальника ОВД дежурный инспектор по разбору предложил Перовой пройти медицинское освидетельствование на алкоголь, но та возмущенно взвопила:

— Ишь чего захотели? Своих покрываете! Ничего, я на всех вас управу найду! — И локтем толкнула мужа: — Ты куда смотришь? Не видишь, что ли, как они концы в воду прячут,— и выругалась.

Прокурор, как мог, успокаивал свою слабую половину. Заместитель прокурора города обещал «...вывернуть все наизнанку, но преступника в погонах вычислить и покарать». Милиционеры категорически отрицали свою причастность к краже.

— Я вообще к машине близко не подходил, около своей стоял,— утверждал водитель-ГИБДДешник.

— Я тоже до «бземвешки» не докасался,— вторил Барибал.

— К машине подходил, но внутрь не садился, только в стекло водительское постучал,— пояснял Бычков.— Ну и как бы я, по-вашему, эту сумку взять мог, если заявительница показывает, что она на заднем сиденье лежала?

Труднее всего приходилось Шубину: потерпевшие — а в этой роли прокурор с супругой уже себя утвердили, и ни у кого из присутствующих даже и мысли не возникло усомниться в недавнем существовании дамской сумочки с дорогостоящим содержанием — грешили именно на него.

— Что я, по-вашему, круглый идиот? — отчаянно жестикулируя, частил капитан милиции, защищаясь от наседавшего на него «уэсбешника», которому помогал опрашивать подозреваемого в краже заместитель прокурора города. — Не видел я этой сумки! А если б и увидел — чужого брать в жизни не брал! По мне оно хоть прокурорское, хоть президентское — один хрен: не мое! Опять же, говорят, она на заднем сиденье лежала — так я там вообще не сидел, только за рулем!

— Но водительские права-то из сумочки доставали, чтобы вам предъявить? — напирал заместитель прокурора.

— Доставали, — соглашался офицер ГИБДД. — Только откуда — я не следил. Во-первых, темно было, а во-вторых, в БМВ стекла тонированные...

— Да что вы с ним ляляете? — бушевала Перова. — Спер, так еще и отпирается! А на лице все написано!

— Это у вас кое-что написано... — огрызнулся Шубин.

— Чего именно? — подбоченилась прокурорша.

— А что нетрезвы, — коротко сформулировал капитан милиции.

— Это тебя не касается! — яростно покрутила перед его лицом указательным пальцем женщина.

— Сейчас — да. А жаль... — и Шубин пасмурно улыбнулся.

— Чего жаль? Конкретизируйте, — опять подключился заместитель прокурора города.

— Что домой их отвез. А надо бы — на штрафплощадку, — совсем хмуро пояснил капитан милиции. — Участковый так и советовал, да вот не послушался я, на свою голову... И вообще: разберитесь для начала, а может, ее — сумки-то — и не было? Тем более — с такой суммой...

— Вы что, нас во лжи обвиняете? — лицо прокурора-потерпевшего разом пошло красными пятнами: по-видимому, высокое давление. — Да я тебя, не знаю что...

— Наручники на него! — поддакнула прокурорша. — И в камеру!

— Меня? В камеру? За что? — вскочил с места и рванул форменный галстук Шубин. — Да я пятнадцать лет... Без единого взыскания... Медаль «За отличие в охране общественного порядка» имею...

— Ну, не так-то просто, Тамара Вячеславовна, — несколько охладил пыл разгневанной женщины заместитель прокурора города.

Бычков, Барibal и водитель-ГИБДДешник, от которых уже все отвязались, с сочувствием смотрели на своего собрата по несчастью, которого явно было решено сделать «стрелочником».

Руководство райотдела словесную дуэль подозреваемого и обвиняющих слушало с отвращением, но не вмешиваясь. И тут в дверях «дежурки» появился начальник ГИБДД УВД города подполковник милиции Стрельников — прямой начальник попавшего в серьезный переplet инспектора дорожно-патрульной службы. Старшего офицера отыскали и оторвали от свадебного стола аж в соседнем районе: Стрельников собирался повеселиться на свадьбе племянника, а не получилось. Быстро уяснив положение дел, начальник ГИБДД задал разумный вопрос:

— А не могло так случиться, что эту сумочку, со всем содержимым, возле гаража обронули, когда его открывали?

— Ну, знаете, — напустилась на подполковника милиции прокурорша. — За дураков нас принимать? Мы потому про нее и забыли, что он ее из машины украл! А домой пришли — эссенциале срочно принять надо было. Оно в сумке, упаковка начатая... Хватились — нет. Спасибо, еще запас был...

— И, тем не менее, — настаивал Стрельников. — Почему бы и не проехать к гаражу? Вдруг да отыщется пропажа...

Кортеж из восьми машин торжественно, под звуки сирены и мигание проблеско-

вого маячка спецавтомобиля ГИБДД, несся по городу. На громкие «уи-уи» из ворот гаражного кооператива выскочил сторож.

— О-о, Тамара Вячеславовна! А я вам еще вслед кричал, когда опять уезжали, — заискивающе проговорил он. — Сумочку-от вы здесь обронили... Ее почти снегом припорошило, но я углядел. Сей секунд сюда принесу...

Пока сторож ходил за сумочкой, девятнадцать человек (включая пятерых водителей служебных автомобилей) молча стояли, переваривая новость. Надо думать, что чета «потерпевших» — а особенно прокурор района — в эти минуты чувствовала себя не очень-то комфортно.

Когда сторож вручил Перовой кажущуюся на первый взгляд — но только на первый — скромной дамскую сумочку от Картье, женщина, даже не поблагодарив его, тут же принялась перерывать ее содержимое.

— Заявленные, как пропавшие, ценности в полном объеме? — поинтересовался начальник ГИБДД. — Сотовый телефон исправен?

— Представьте себе, — отозвалась женщина. — Даже очень странно... И телефон работает...

Перед входными воротами гаражного кооператива вновь воцарилось напряженное молчание. Наконец Перова неохотно произнесла:

— Ну, это... Раз оно так получилось... Давайте выпьем бутылку коньяка и забудем...

Было понятно, к кому именно обращается прокурорша.

Водитель спецавтомобиля ГИБДД молча повернулся к женщине спиной.

Барibal сплюнул на снег и буркнул: «Не извольте беспокоиться».

Бычков хмыкнул, сморщил нос и заявил: «Есть у меня сильное желание в суд на вас подать... За клевету»...

А Шубин, на котором скрестили взгляды девятнадцать пар глаз, отвечать не спешил. После долгой паузы все же разлепил губы.

— Бог вам судья... А вот вы меня без суда и следствия в камеру и в наручники загнать сильно желали. Так неужели ж вы взаправду считаете, что я с вами, за один стол... Да с такими людьми я на одном километре ср...ть не сяду!

— Что-о? — надвинулся на капитана милиции прокурор. — Да за такие слова! Публичное оскорбление... Завтра же ответите...

— А когда вы сами, на пару с супругой, меня материли — забыли, да? — вопроса о публичном оскорблении не поднималось? — с усмешкой отпаривал Шубин. — Кстати, жаль, что мы лет сто назад не живем.

— Не понял... — растерянно произнес Перов.

— На дуэль бы вызвал, — разъярил Шубин и медленно пошел к спецавтомобилю. Следом потянулись к машинам и остальные.

— Товарищ прокурор, — обратился к несостоявшемуся потерпевшему начальник ОВД. — Надо бы в райотдел вернуться, объяснительные от вас с супругой принять...

— Еще чего! — опередила мужа прокурорша. — Что мы там забыли?

— Тамара, ну так положено, — попробовал уговорить свою слабую половину Перов. — Вон, скольким людям беспокойство доставили.

— Это их работа, — безапелляционно заявила прокурорша. — А поскольку письменного заявления мы не подавали, считайте, что его вообще не было. Домой, домой, — и, схватив мужа под руку, чуть ли не силой потащила к личному автомобилю. — Машину в гараж — и живо спать. У меня завтра в фирме с утра совещание...

* * *

— А я вам приказываю: отметьте в форме номер два, против зарегистрированного заявления о краже из автомобиля, что записано ошибочно, — настаивал заместитель прокурора города по возвращению из ОВД, обращаясь к дежурному по райотделу.

Седовласый майор милиции категорически не соглашался:

— Хватит, один раз так сделал — из вашей же епархии проверяющий приказал выговор вкатить. Не-ет, дураков больше не имеется.

Несмотря на время за полночь, заместитель прокурора города позвонил домой начальнику УВД — с той же рекомендацией. Однако понимания не нашел...

Утром же начальник УВД города подписал заключение служебного расследования по факту случившегося, где в резолютивной части, после общего для всех такого рода документов пункта первого: «Служебное расследование считать оконченным», следующим стоял пункт второй: «За невыполнение требований должностных инструкций и статьи 245 «Кодекса об административных правонарушениях РФ», выразившееся в непринятии мер по привлечению к административной ответственности лица, управлявшего транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, привлечь к дисциплинарной ответственности правами начальника ГИБДД УВД города, старшего инспектора дорожно-патрульной службы капитана милиции Шубина С. Е.»

К обеду уже был готов проект приказа о наказании, а к вечеру приказ подписан. Сотруднику ГИБДД, не скупясь, впаяли «строгач».

Получая на следующий день в кабинете Стрельникова выписку из приказа, Шубин мрачно поинтересовался:

— Ну а если бы я все сделал, как по теории надо? То есть, Тамару Вячеславовну — на освидетельствование, а БМВ — на штрафплощадку?

— С ума сошел, — сказал и осуждающе покачал головой умудренный четвертью века службы главный городской ГИБДДешник. — Ты б после этого и недели не прослужил...

— Выходит, куда ни кинь, всюду клин? — возмутился Шубин.

— Выходит... — сочувственно согласился Стрельников. — Понимаешь, Сергей, как иногда говорят в американских фильмах, оказался ты в неподходящее время, в неподходящем месте... Нарваться-то угораздило — помнишь перечень лекарств в сумке? Типичный набор богатого алкоголика. При плохом кровообращении, гипертонии и посаженной печенке. А каждый препарат, в среднем, по «штуке»...

Вздыхнул и добавил:

— А ведь поначалу вас всех четверых наказывать хотели... Ну, раз так вышло, что ты «один по делу прошел», вправе с «подельников» магарыч истребовать. Ладно, давай, иди... Александр Матросов...

